

The background of the page is a historical map of the Crimean Peninsula, showing the Black Sea and the city of Simferopol. The map is rendered in a sepia tone with green highlights for geographical features. In the lower right corner, there is a detailed woodcut-style illustration of a man in a hooded coat and boots, working in a subterranean or semi-subterranean space. He is using a long-handled tool, possibly a pickaxe or shovel, to dig. The scene is filled with various objects, including bundles of wood, stone, and what appears to be a large, rounded object, possibly a piece of equipment or a container. The illustration is framed by a simple black border.

Валерий Уколов

ТУМАННОСТЬ
ВОДОЛЕЯ
—
ТОМИТЕЛЬНЫЙ
ДРЕЙФ

Валерий Анатольевич Уколов

Туманность Водолея.

Томительный дрейф

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55325443

Аннотация

«Туманность Водолея» Ближайшее будущее. Глобальный климатический катаклизм приводит к повсеместному оледенению планеты. Незатронутой остаётся лишь территория Российской Федерации, где по непонятным причинам наблюдается климатическая стабильность. Весь остальной мир пытается выжить в новых реалиях, в то время как в России привычная жизнь в выгодных условиях приводит к постепенному изменению экономики и менталитета россиян, уверовавших в свою природоизбранность. Между тем тотальный холод подрывает энергетические ресурсы ведущих мировых держав, и те становятся катастрофически зависимы от поставок российской нефти и газа. От этого в странах западной демократии притупляется свобода воли и возникает сознание жёсткого фатализма. Зависимость мира от российской нефти порождает в русской среде новый этап в трактовке русской идеи. «Томительный дрейф» Москва. Трудноопределимое время. Трём приятелям приходится продирааться сквозь обозримое

будущее и размышлять о роли реального в постновейшую эпоху. А там и кулачные бои без правил на Красной площади на кубок Кремля, кабак «Серёга Есенин» с днём больших испытаний новых напитков, старуха, заведующая ломбардом и знающая пин-коды трёх банковских карт, гигантский фанерный троянский конь, напичканный сникерсами, чипсами, брелоками с изображением доллара и несметным множеством кредитных карт Западных банков, восстание неодабристов-оппозиционеров с выходом на лёд Москвы-реки напротив Кремля, призрак старика-инквизитора, настойчивая просьба незнакомца с дьявольски разными глазами помочь составить донос на себя, изъятие капсулы времени из фундамента торгового комплекса и, наконец, счастье, свалившееся с неба. Абсурд и метареализм с налётом антиутопии в трудноопределимое время.

Содержание

Туманность Водолея	5
Друзья	21
Клаустрофобия на евразийских просторах	39
Конец ознакомительного фрагмента.	93

Валерий Уколов

Туманность Водолея.

Томительный дрейф

Диалогия

Туманность Водолея

*Внимание! Мнение автора может не совпадать
с им написанным.*

И ещё, предупреждаю тебя, читатель: в процессе потребления текста может возникнуть ощущение чего-то близкого и до боли знакомого. Поверь, здесь нет злого умысла. В любом случае я не приму обвинений в свой адрес. А в своё оправдание скажу, что многие события, имена и факты, порождённые неподконтрольной фантазией, есть не что иное, как чистейшей воды плод художественной неводержанности, и только. Правда, люди, чисто случайно прочитавшие рукопись, сообщили мне о реальном существовании многих моих придуманных персонажей, причём с такими же именами. А один человек даже утверждал, что страна, мною описанная, уже существует с подобным названием, и не одно

столетие. Как бы там ни было, я уже не в силах ничего изменить, ибо при смене имён у их носителей возникнут иные помыслы и поступки, а при перемене названия страны у её обитателей изменятся судьбы, и это будет уже насильственная фантазия, искажающая саму реальность. Но держи в голове, однако, что разговоры и последующие воспоминания об этой стране могут вызвать непредсказуемую реакцию.

Не помню, в каком году жителей большой страны освободили от излишней опеки. Жители те были великими баловниками, таковыми и остались: шкодили, крали, ломали большие и малые игрушки, разоряли жилища, и никакие наказания их не пугали, потому как наказывать было некому. И так истощили они среду обитания, что, сами собой недовольные, собирались устроить всеобщий разнос, но спас их климатический катаклизм.

2000-й год от рождества Христова. Климат планеты стал совершенно неменяемым. После глобального потепления наступило тотальное оледенение. Прирост льда на обоих полюсах был угрожающий. Океаны промерзли, как озёра. На юге ледяные торосы продвинулись до Австралии. На севере, в прибрежных зонах Аляски и у берегов Норвегии, лёд давно уже не таял и всё дальше углублялся в материка. Гренландию совсем потеряли из виду.

Говорит Ник Симпл, рейнджер на Аляске: «Хоть убей-

те, не могу понять, что за дела с этой ё(пи-и-и)й погодой. Если так дальше пойдёт, тут белых медведей расплодится – проходу не дадут. Надо сказать этим парням-климатологам пусть шевелятся, выдумывают что-нибудь. Мне всё это не нравится». А вот что сказал Йохан Борг, норвежский рыбозаводчик: «Фиорды промёрзли вместе с рыбой. Снега по крыши навалило, и лёд везде. Не по душе мне такие катаклизмы». Комментирует ситуацию английский климатолог Джозеф Пойнт: «Мы столкнулись с каким-то тотальным и непредсказуемым процессом. Уже ничего не поддаётся прогнозам. Температура на планете падает из месяца в месяц. Скоро вся суша скроется подо льдом. Китай и Западная Европа под снегом, и это только начало. За всем этим настанет повсеместное оледенение».

Вопрос: «Вы упомянули Китай и Западную Европу, но вот Россия, она же ближе к Ледовитому океану, но лёд, как ни странно, остановился у её берегов и дальше не движется». Джозеф Пойнт: «Это действительно странно. Пока я не могу объяснить этот феномен. Нужны дальнейшие исследования».

20nn+1-й год от рождества Христова. Лёд с угрожающей скоростью движется с обоих полюсов к субтропикам. Гигантские айсберги наводнили экватор. Пингвины заселяют Мадагаскар. Зима в России была суровой, снежной, но в остальном – как обычно. Снег выпал там, где и всегда, а весной

растаял. Лёд по каким-то причинам не продвигался на территорию России, а постепенно охватывал её со всех сторон. Ледовые образования точно повторяли контуры Российской Федерации, не нарушая границ. Эту странность никто не мог объяснить. Русские совершенно ничего не предпринимали для остановки ледового нашествия, а лёд к ним не шёл. США наполовину покрылись ледяным панцирем. Правительство истратило три четверти национального бюджета для растопки льда, но совершенно безрезультатно. Переселенцы из Канады и северных штатов заполнили юг страны. Обогнув Россию, ледовый фронт покрыл Средиземноморье. В колыбели европейской цивилизации можно было устраивать зимние олимпийские игры. Австралийцы, захватив с собой сумчатых и аборигенов, спасались в экваториальной Африке, куда лёд ещё не дошёл, но уже давал о себе знать ночными заморозками. Озеро Виктория подёрнулось ледовой коркой. Но уже через месяц зебры скользили на мёрзлой траве, а афроафриканцы вязли в снегу, совершенно к этому не подготовленные морально. Некогда цветущий континент превращался в монохромный материк. Биржи повсюду лихорадило. Акции ведущих компаний осыпались, как листья на морозе.

В России же сколь-нибудь существенных изменений не наблюдалось. А к оледенению в остальном мире относились по-разному. Нефтяники ликовали. Цены на топливо жестоко побивали все рекорды. Когда оледенел Ближний Восток и большая часть Южной Америки, ОПЕК скончался за нена-

добностью. От России паутиной потянулись нефтепроводы по льду во всех направлениях.

Православная церковь видела в оледенении божью кару для загнивающего Запада: «Вот он, перст Господень, указал на блудливых, а природа непогрешима». Ей вторил евразиец Дугин, развивая идею избранности каждого евразийца в пределах России. Правительство выжидало. Народности севера вообще не принимали катаклизм всерьёз. И весь люд российский в простоте своей занимался привычным для него выживанием, переводя все напасти в жизненный опыт.

20nn+2-й год от рождества Христова. По миру лёд да наледь. Это был тот самый год, когда в богатеющей России едва успевали всё разрешать. А в США, поклоняясь политкорректности на ещё не замерзших территориях, законодательно запретили стирать отдельно белое и цветное бельё, считая это бытовым проявлением расизма.

А Россия ещё держала тепло. Летом, когда вокруг её границ лежал лёд, над территорией Федерации часто поднимался туман – сказывалась разница температур. И в тумане том жили люди, они ведь в России прежними оставались. Стабилизационный фонд крепчал, преумножался, и все про то знали, но беды русские в их всевозможных проявлениях – техногенных и то, что с фактором человеческим связано, и с трагическим стечением обстоятельств – лежали, как и прежде, по полям русским, прятались в подворотнях горо-

дов, и русские упорно искали их, находили и питались ими, и беды делали их упругими и неподатливыми к последствиям.

В старинном подвале со сводчатыми потолками и нарочито ободранными стенами гремел панк-рок. Вот текст: «Боже, храни президента! Дай ему сорок сроков подряд! Храни, храни президента и собаку его – лабрадора! Боже, храни его! Да!».

В углу сидел Герман, тридцати семи лет от роду. Пил пиво, курил. Вошёл Евгений, тридцати трёх лет. Сел рядом, закурил, заказал пива. Герман, указав взглядом на лежащий на столе журнал Rolling Stone:

– Читал? Права на песни Beatles перекупил популярный исполнитель шансона Семён Замоскворецкий.

– Зачем они ему?

– В России должно быть всё, в том числе и песни Beatles. Скоро мы весь мир на колени поставим, и всё будет нашим, когда остальные повымерзнут.

– Святая Русь forever! – предположил Евгений.

– Смотри проще да практичней.

Евгений. Интересно, какой образ жизни и мыслей мы будем насаждать замерзающему миру? Великодержавие, православие, народность?

Герман. Это как получится. Я тебе говорю о сосредоточении здесь всех мировых центров, прежде всего финансовых и энергетических. А с экспортной идеологией по ходу

дела разберёмся. Ты лучше думай о русских умах. Вот где проблема.

– Пусть лидеры заботятся.

Герман. Они уже заботятся. Давай допивай пиво и поехали. Покажу кое-что.

Евгений и Герман продираются сквозь накуренные проходы к выходу. Гремит панк-рок. Старый панк-рокер выдаёт текст: «Коммунисты лишали меня рок-н-ролла. Коммунисты не шили мне джинсов. Коммунизм умирает, потому что мне надоело. Это мне надоело, потому коммунизма не стало. Да».

Почти полночь. Полная луна. Герман и Евгений спускаются в метро. В России луна видна и в европейской, и в азиатской части, но русские до сих пор не извлекают из этого никакой выгоды.

Ровно полночь. Полная луна. Германа и Евгения переносит в своём теле вагон метрополитена. Повсюду люди подземелья. Иные, познающие радость печатного слова, визуализируют собой версию о спрятанной здесь, повсюду в этом подземелье, библиотеке государя Ивана Грозного. Частные жизни, составляющие общность вагона, несутся по червоточине недр, исключительной собственности государства. Не гаснет свет в тоннеле.

За полночь и полная луна. Герман и Евгений выходят из метро. Обоим на мобильники приходят SMS. Абонен-

там предлагают новую услугу: исповедаться по номеру 6670. Отец Амвросий. Услуга платная.

– Здесь недалеко, – Герман указал на небольшое кирпичное строение. – Я недавно с диггером познакомился. Толковый парень. Это строение – вентиляция. Через её шахту мы попали в какие-то тоннели, очень старые, скорее всего довоенные. Но поезда по ним ходят, правда, редко и так тихо, медленно. И кабели всюду. Так вот, когда тот диггер узнал, что я спец по связи и электронике, предложил прощупать их. Многие из кабелей явно не силовые, больше похожи на связь. Вчера мы с ним врезались в некоторые провода и установили запись, – Герман вынул решётку, нащупал висевший сбоку на крючке диктофон, достал флэшку и вставил чистую. – Так вот, вчера на радиорынке я купил набор DVD с дешифрованными программами. Кое-что уже разобрал. Вот распечатки. Полюбуйся.

Герман влез по пояс в проём шахты и извлёк из трещины в потолке свёрнутые файлы. Евгений прочёл: «Совершенно секретно. По правительственной связи. Оледенение, подступившее к границам Российской Федерации и грозящее перейти на её территорию, может оказаться глобальным стихийным бедствием и вызвать беспорядки и недовольства. Предлагаю в срочном режиме подготовить меры к поэтапному введению чрезвычайного положения, начиная с границ государства».

Герман. Я храню распечатки здесь.

Евгений. А где дешифруешь?

Герман. Дома.

– И не боишься?

Герман. У меня в процессоре ёмкость с кислотой. Если будет облава и вломятся через дверь или окна, пойдёт сигнал в процессор, и кислота уничтожит все носители и память. Или я сам, если что, пошлю сигнал вот с этого брелока. (*Герман показал брелок сигнализации.*) Так-то вот.

– Зачем тебе эта информация?

– Всегда надо знать, что с тобой собираются сделать.

Евгений. Ну, узнаешь, и, если капканы какие, куда валить будешь? За бугром везде лёд уже.

Герман. Ты пойми: скоро к нам все валить начнут. И к этому с умом готовиться надо. А человек разумный – это человек информированный. А информация денег стоит. Так что поработаем. А сейчас предлагаю в один ночной клуб сходить. Недавно открылся. Я там был пару раз. Называется «Дионисий». С претензией на античность, хотя разгул там типично нашенский, так сказать, постсоветское неоязычество.

Евгений. Может, завтра зайдём? У меня с деньгами худо. Там же, поди, недёшево.

Герман (*ставя решётку на место*). У меня есть. На днях подзаработал, взломал сайты крупных кинотеатров.

– Зачем?

– Они теперь не могут в Интернете анонсы сеансов раз-

мещать. Вместо расписания появляется надпись «Мы погорели» или «У нас готовят теракт». Ну, моё дело взломать, а вымогателем мой заказчик занимается. Но своё я получил. Так что идём, тем более дело у меня есть к одному тамошнему человеку.

«Дионисий» – клуб закрытый, неафишируемый – располагался на нижнем уровне бассейна «Олимп». Вместо крепких охранников – за стеклом невысокий сутулый вахтёр-пенсиянер в больших роговых очках. Герман подошёл к переговорному устройству и проговорил в него: «Герман здравствовать желает. Этот человек со мной». Вахтёр не пошевелился, но дверь отворилась сразу.

Евгений. Так просто можно пройти?

Герман. Вот это стекло, за которым вахтёр сидит, пуленепробиваемое, и к тому же с обратной стороны на нём монитор, как на самолётах. А пропуском служит голос. Мой голос введён в базу данных. Компьютер распознаёт его и даёт добро.

Евгений. Сложная техника. С ней надо уметь управляться.

Герман. Этот вахтёр – бывший профессор в Бауманском. Тут ему в тридцать раз больше платят. Это он здесь всё оборудовал. Сначала найдём нужного мне человека, а потом, может, попаримся в сауне.

Герман справился у внутреннего распорядителя о нужном

ему человеку. Тот кивнул в сторону бассейна. Нужно подняться наверх. Сам бассейн был стилизован под античную Грецию: орнаменты, вазы, чернолаковая керамика. На стенах лепнина, маски Сатира, Фавна, гроздь винограда.

Герман. Многие вазы здесь подлинные. Я удивляюсь, где их столько добывают? При каждом разгуле бьют нещадно. Кстати, скоро оргия. Надо поторапливаться.

Дверь в нужное помещение не была надписана, но опозновалась по изящному скрипу. Предбанник пустовал. Далее, в комнате отдохновения, сидел в кресле нужный Герману человек, курил, смотрел канал Discovery, зевал и, судя по виду, ни о чём не думал. Увидев Германа, развёл руками в знак удивления.

Герман. Ты не рад? Или думал, я тянуть буду?

Нужный человек. Не думал. Давай, поведай мне, что знаешь.

Герман. Я нашёл того человека – геолога. Он же интересуется твоими финансовыми возможностями. Хочешь, поговори с ним сам, но учти: он мужичок с причудами и на русской идее нехило помешан.

Нужный человек. Это ладно. Мало ли кто у нас на идеях мешается. Ты с ним не пробовал договориться?

Герман. Нет пока.

Нужный человек. Поговори с ним сам. Скажи, деньги есть, а всё остальное его. О твоём проценте после потолкуем. Если не хотите попасть в оргию, лучше уходите сейчас, а то

скоро начнётся.

Герман. Ладно. Пойдём мы.

Евгений и Герман покидают «Олимп».

Зачинается оргия. Люди без всяких признаков одеяния, увенчанные лавровыми венками, собираются у кромки бассейна и передают друг другу чашу с упоительным зельем, и каждый делает из неё по глотку. Передаёт дальше. Ещё глоток. Дальше. Глоток... Как мало надо... Глоток... Только и всего, что сделать глоток и исчезнуть в себе до полного самозабвения, но лишь затем, чтобы освободить природу. Яростно выплеснуться наружу и слиться с ближним в полноте экстаза, в союзе с отчуждённой, враждебной, непокорной стихией природных страстей. Так расплавь в себе грязь, бессмыслицу, хаос! К началу! К первому дню! Пусть вода возьмёт свои дары! Пусть исчезнет хищный оскал потаённого зверя! Пусть станут пустыньны уста! Гимн радости и покою! Но не поранься обломками иллюзий. Ты слышишь нестройное песнопение и инфернальный хохот, битьё чернолаковой керамики о статую Аполлона? Это кончается ночь. Покойно и радостно в чреве её. Ночей очарование... Очей изнеможение...

Пустынный проспект. Время редкостного упокоения ультра поселения.

Герман. Этот мой знакомый специализируется на устройстве корпоративных оргий. Тот человек, которого он ис-

кал, занимался какими-то необычными геологическими разработками. Но, что у них за тема, пока не знаю. Сегодня к вечеру поедem в одну деревушку, навестим его. Только поедem на народном транспорте. Говорят, если он узнает, что мы прибыли на дорогом авто, разговаривать не будет. А что в его понимании «дорогое авто» – вопрос. В общем, поедem с народом.

Электрический поезд взял курс на область. Вечерело. Думалось легко и неотягчающе обыденно. Евгений и Герман сидели напротив интеллигентного вида людей, не изъеденных капиталом. Тема их беседы – литература народа.

– Нет, почвенники не могут отмереть, как не отомрёт народ. Это же очевидно, – утверждал мужчина в брезентовой штормовке и с бородой а la Николай II.

– Страна была аграрной, поэтому и тема деревни актуальной казалась, – объяснял мужчина в болоньевой куртке и без бороды. – Сейчас все в город прут, и тамошние проблемы куда важнее. А значит, и литература соответствующей станет. К тому же даже те, кто живёт в деревне, уже не чувствуют прежней отчуждённости и изоляции: спутниковое телевидение, Интернет и всё такое. Да и почвенники сами, в основном деревенщики, а о Небесном Иерусалиме как о граде представление имеют.

– А я считаю, – заметила женщина в косынке, – что деревенская литература сейчас взяла лишь паузу. Она модерни-

зируется, ориентируясь на современность. Я уверена, скоро появятся новые авторы. Да они уже есть.

– Вопрос, кто их будет читать? – выразил сомнение безбородый.

– Те, кто этим живёт. Молодёжь, уверен, также заинтересуется, – уверил бородатый. – Вот они, – он указал на Евгения и Германа. – Вам интересна деревенская литература?

– Признаться, не имеем понятия. Мы всё больше сетевой интересуемся, а там такие темы не в цене, – честно ответил Герман.

– Но, может быть, вас интересуют новые авторы, работающие в этом жанре? – понадеялась женщина в косынке.

Евгений. Какие авторы?

Женщина в косынке. Вот у меня есть несколько экземпляров книги Василия Щепки, изданной за счёт автора. Но я надеюсь заинтересовать крупные издательства. Такого автора нужно печатать, тем более что он работает и в прозе, и в поэзии. А сейчас пишет пьесу о том, как сельчане отстояли землю от посягательств городских богатеев. Вот возьмите, прочтите. Вы ведь всё равно ничего сейчас не читаете.

Евгений и Герман читают.

Пока люди крали металл на прокорм,
Забывали, как выглядят деньги,
Обновлённые русские в твидовых пиджаках,
В мегаполисах прятких
Сеяли ветер, выли, рвали брёвна из глаз.

И повсюду в угаре, в смоговой мгле
Город пылал пламенем адским,
Выжигая себя электричеством,
Смердя отравленной плотью.
Вот она, гибель людей, как песок текучих и зыбких.
По битым дорогам, извилистым рельсам
Добираются к полю, подбираются к рекам
Те, кому ещё хочется жить и дышать
Степью и запахом трав незасушенных.
Мы вышли отсюда, из дикого поля.
Встречай же нас, ветер печей нетопленных, гулом.
Я был тут и буду, останусь, как дерево в скале.
И на заросших руинах продмага
Бродячий пёс провыл мне, что здесь он родился,
Здесь и подохнет, как надо. Блядь.

Герман. Да уж. Это впечатляет. Но вот последнее слово... как-то не то что бы к месту, что ли.

Женщина в косынке. А его и не было у автора. Его добавил редактор.

Евгений. Зачем?

Женщина в косынке. Он человек увлекающийся и тоже болеет за землю. Мне поначалу также показалось это слово лишним, но потом он объяснил, что слово это для нас и не слово вовсе, а термин и понятие, которым мы обозначаем отношение русского человека к жизни и истории. Ведь русская душа открыта жизни, а та постоянно изменяет, и часто подло.

– Это потому что русские кромсают историю, а она их в ответ третирует, – вставил безбородый.

Женщина в косынке. Пусть так. Однако люди, живущие на земле, хранят свою историю, нравы и обычаи. Но и они вынуждены страдать оттого, что кому-то там, в городах, понадобились перемены, а получаются одни измены, и самим себе тоже. Недаром же термин «блядь» наиболее часто встречается в русском лексиконе.

Евгений. Да, но зачем вставлять его в чужие стихи?

Женщина в косынке. Я же вам объясняла: редактор со-переживает автору. Да и автор, если разобраться, сам бы этим словом окончил творение. Ведь он переживает за то, что всё изменится. То есть жизнь, изменённая городскими богатеями, изменит и ему. Сколько уже селян пляшут под дудку приезжих, а народные песни вообще не поют. Перебаламутили всех, и забыли все, для чего живут. Вот об этом Щепка и пишет, и по-современному пишет. Вы вот прозу его прочтите, обязательно прочтите. Вот сейчас и прочтите.

Евгений и Герман читают.

Друзья

Ни зари, ни просвета, ни ночных фонарей – ничего, что светило бы в эту пору. Луны не видно. Можно ехать. Николай выкатил мотоцикл с коляской далеко за двор, чтобы не будить соседей. Завёл и поехал на другой край села к Тихону, приятелю и поделельнику. Тот уже ждал у ограды, покуривая и часто сплёвывая позади себя. В камуфляжных куртках оба дружка сливались с кустарником, росшим за забором.

– Слышь, Тихон, у меня ножовка-то совсем хуёвенькая. Думал, полотно новое есть, а где – так и не нашёл.

– Да и хуй с ним. Я лопаты взял. Если чё, выкопаем. Оно и тише. Там вроде всё новое установили. Ты не видел?

– А я хуй его знает. Приедем – увидим.

Тихон, сидящий в коляске мотоцикла, натянул повыше дерматиновую накидку. Свежело на скорости. Мотор трещал. Николай слегка наклонился к Тихону и проговорил громко:

– Я чё ещё думаю: может, потом на станцию мотнёмся? Там чё покрутим?

– Тю, ёб твою! Это ж охуеть как. Там постов понаставили, хуй просышь.

– Ладно, посмотрим.

Друзья съехали с дороги, выключили свет и заглушили мотор. Николай достал сумку с инструментом и вынул из

неё ножовку по металлу. Вдоль дороги тянулись металлические ограждения, сваренные из труб. Чуть дальше стоял дорожный знак, ограничивающий скорость. А рядом ещё один, указывающий поворот. Тихон достал лопату и направился к знакам. Николай принялся пилить ограждения. Тихон не спешил. Закурив, он медленно затянулся, посмотрел на знаки, отошёл чуть поодаль и стал мочиться. Николаю не нравилось ножовочное полотно. Он то и дело пробовал его пальцем и удивлялся, какое оно тупое.

– А чё ты хотел, ёб твою, – выговаривал ему Тихон, уже приступивший к выкапыванию знаков. – Свежих бы взял, да пару бы, а то наебнётся – и чё?

– Да ладно, не пизди ты под руку, – обижался Николай.

Дорога была пустая. До рассвета ещё далеко, и приятели успевали перекурить и принять допинг – самогонку в пластиковой бутылке из-под колы.

– Я вчераь Нюрку-то в посадке отодрал-таки. Чуть хуй не стёр. Ебливая сучка, – Тихон сплюнул под ноги. – Ну, а у тебя чё с этой мандавошкой-поварихой?

– Да ну её на хуй! – жаловался Николай. – Я её во все дыры дня три назад драл. Поглумился вволю. А она, сука, мне гонит: давай, мол, жену бросай, поженимся и в город уедем. На хуй он мне нужен, этот город! Я в прошлом месяце поехал на заработки, плитку класть. Ну, положил метров сорок, а прораб съебался и хуй заплатил. Да и до этого ещё наёбывали. Да ну их в пизду с этим городом! А то ещё менты, блядь,

винтят напостоянку. Пива помню, выбухал бутылку-полторашку перед электричкой. Чую, ссать охота. Ну, за вокзал зашёл, стою, ссу. Раз – тут менты подваливают. Я ещё ссу, а он меня дубинкой, блядь, по горбу как уебёт. Я чуть кровием не выссался. А потом ещё и всё бабло повыгребли, суки. Да не, ну охуеть совсем, бля, поссать не дали толком.

– Да это чё, – подхватил Тихон, – мы вон с Кирюхой поехали раз по пьяни на футбол. Кто с кем играл, ни хуя не помню, да оно мне и на хуй не надо. Кирюха-то, сидим, бухаем, говорит: «Запиздили на футбол, ёбанный свет». Ну, мы уже готовые были. Ну, залезли в электричку, ещё самогонки вжарили. Кирюха куда-то в тамбур поссать пошёл и съебался на хуй. Я, блядь, уснул и ни хуя не помню, как в городе оказался. Чуть протрезвел, а менты тут как тут. А у меня ни хуя денег нет. Ну, так они меня так просто и отпиздили. Да прав ты, Коля, на хуй он нужен, этот город! Одна морока, бля. Ладно, хуй с ним. Давай, пили, а я второй знак выкопаю.

Приятельки взяли дружно. Дело шло ладно. Несмотря на то, что ножовка у Николая тупая была, да и притупилась ещё, ограждения он срезал лихо. Дело шло, да и хмель выходил. Так что приходилось прикладываться к бутылки между делом. Весь металл друзья сложили в коляску и обмотали тряпками, чтоб не гремел. Николай завёл мотор.

– Слышь, – сказал он Тихону, уже усевшись в сиденье, – бухла-то ни хуя не осталось. Давай к Маруське заедем, у неё всегда имеется.

Маруся, известная в деревне самогонщица, была баба не промах, в ночное время чуть ли ни вдвое за зелье брала. Николай и Тихон про то знали, но ехали.

Собаки залаяли, ещё мотоцикл только в деревню въезжал. Тихон скинул проволочный крючок с калитки и прошёл к окну. Постучал.

– Кто там, еби вашу душу? – расшумелась Маруся. – Кого там хуй принёс?

– Да не шуми ты, ёб твою, – урезонивал её Тихон. – Дай бухла бутылки две, да и дело с концом.

– Какого хуя ночью шляется! Не хватило, что ли?

– Да ну тебя в пизду, Маруся! Спешим мы. Бухло давай.

– С вас блядь в три цены брать надо, что по ночам шляется.

– Ты зубы не заговаривай, – терял терпение Тихон, – да пизди поменьше. Давай бухло, тебе говорят.

– Сколько вам, пропойцам, не хватает-то?

– Давай две полторашки – и разойдёмся.

– Цену-то знаешь?

– Да ну тебя на хуй! Давай, не обижу.

Маруся полезла под пол и достала уже наполненные пластиковые бутылки. Тихон сунул ей смятые купюры, взял бутылки и пошёл к мотоциклу. Одну бутылку друзья открыли и тут же принялись пить с горла.

– Охуеть, как пронимает, – блаженствовал Тихон. – Нехуёвая самогонка у Маруси.

– Так, ёб твою, дело она знает. Так и берёт, сучара, втридорога.

– Да и хуй с ним. Зато по шарам шибает. А я вот неделю назад у Иваныча на том краю взял полторашку, так только стакан успел выдуть, и началось, блядь: так просрался, на неделю хватило.

– Да знаю я этого Иваныча. Самогонка у него всегда херовая была, – подтвердил Николай. – Так бог-то шельму метит: его ж позавчера insult ебанул.

– Да ну!

– Я-то с его зятем виделся. Пиздабол, еби его мать. Как запел мне: «Тестя insult ебанул. Чё делать? Чё делать?». Да ни хуя не делать, бля! Самогон надо было делать нормальный. А шас чё пиздеть? Я ж говорю, бог шельму метит. До-выёбывался Иваныч.

– Да, бог-то всё видит, – подтвердил Тихон, – и ночью видит. И как ты металл пиздишь видит, – Тихон засмеялся.

– Фу ты, ёб твою, – огрызнулся Николай. – А ты, блядь, как не при делах, да? Ты пойми, ёбанный свет, платили бы мне да тебе на работе этой хуевой, на хуй мне тот металл всрался! А так, блядь, хоть на жратву соберёшь.

– А ты пойди к бабушке нашему в церковь и спроси: «Отец святой, можно ли мне металл для жратвы спиздить? Дело-то благое». Вот он охует, – Тихон зашёлся в хохоте.

– Да ты сам охуел, с подъёмками своими, – злился Николай. – На хуя богу этот металл сдался, и без него делов хва-

тает. Ты о себе думай.

– Да ладно, чё там. Как спиздим теперь где железо, так и свечку поставим – не для себя, мол, – Тихон продолжал смеяться.

– Лыбся, лыбся, – выговаривал Николай. – Боженька тебе счёт выпишет.

– По весу спизженного металла, – не унимался Тихон. – Ну его на хуй, Коля, мы и так в аду живём. Ты лучше скажи, пойдём на станцию или как?

– Уже светает. Давай под вечер.

– Ни хуя. Давай щас. Ещё успеем.

– Ну, хуй с ним, – согласился Николай, – поехали.

До станции было недалече. Время от времени приятели наведывались туда по ночам, срезали медный провод, выламывали тяжёлые железные детали. Это был их обычный промысел. Николай остановил мотоцикл чуть поодаль в лесополосе. Начинало светать. Тихон вынул бутыль-полторашку. На душе заныло. «Растрясло дорогой», – подумал он, открывая бутылку.

– Давай ёбнем, – предложил он Николаю, – чё тут осталось...

– Не до хуя будет? – засомневался Николай.

– Ну, как знаешь, – Тихон приложился к горлышку. Николай взял у него бутыль, продолжил. Уже светало всюю. Речушка маленькая, что вдоль полотна железнодорожного недолго тянется, проглянула, и над ней запарило. Туман под-

нимался, и птицы запели как-то поочерёдно: то здесь, то где-то рядом. Деревья будто ожили. Словно в небо засмотрелись: что ждать-то оттуда? Дождь или жарко будет? Насекомых всячина всякая засутилась, замельтешила. Трава росой увлажнилась. Тихон окурок бросил – погас он сразу и пошипеть не успел. И как-то веселей на душе стало. Рассвет – он для всех рассвет. Всем от него ладно становится.

Приятеля допили допинг, взяли инструменты и пошли к полотну. Николай принялся медный провод спиливать, а Тихон лопатой тяжёлый механизм рядом с рельсами выкапывал. Да дело-то привычное. Не раз они сюда наведывались, знали: провода новые быстро протянут, механизмы всякие тоже скоро восстановят, так что дело не заржавеет. Работали спешно, справно. Здесь задерживаться нельзя, поймают – худо будет. Увлеклись приятели, а не знали, что недалеко пост соорудили, вот из-за этого воровства постоянного. Охранник услышал шум, подошёл тихо да и закричал:

– Вы чё, уроды, творите?! А ну ложись наземь!

Приятеля не то чтобы испугались – можно сказать, удивились. Тихон посмотрел на охранника с недовольством, с досадой даже. А Николай, уже вспотевший от работы, часто дыша, крикнул:

– Ты бы валил отсюда, а то не ровен час...

Но охранник передёрнул затвор карабина и закричал:

– Я сказал, легли на хуй наземь! Или пальну щас!

– Ты чё, охуел! – крикнул Тихон. – Давай съёбывай, а то

убьём на хуй! – и Тихон взял лопату наперевес. Николай подобрал с насыпи крупный щебень и швырнул им в сторону охранника. Но тот не унимался и подходил ближе, направляя ствол то на Тихона, то на Николая.

– Ёбаный свет! – кричал Тихон. – Уйди на хуй, мать твою!

Охранник остановился, опасаясь щебёнки.

– Я, блядь, последний раз говорю, падлы, легли на хуй или пристрелю!

Тихон вдруг озлобился совсем и, крича: «Ах ты, сука!», кинулся к охраннику. Метров до него двадцать было. Николай следом за Тихоном ринулся. Охранник закричал: «Стой!», направил карабин вверх и выстрелил. Тихону хоть бы что, ещё и резвее пошёл с лопатой на замахе. Николай сзади с ножовкой. И расстояние уже малое. Охранник ещё раз вверх выпалил, а потом уже видит – толку нет, вскинул карабин да и выстрелил в сторону бегущих. Пуля аккуратно Тихону меж глаз вошла и ещё дальше Николаю в лоб угодила. Знать, на одной линии бежали да роста примерно одного оказались. Пуля-то что надо была, большая, и карабин справный был, почищенный, смазанный. Других-то в охране не держат. Охранник постоял, посмотрел немного да и оттащил приятелей с рельсов под насыпь, потому что поезд шёл и ему препятствий чинить не полагалось. Не положено было мешать по всем правилам и указам.

А вот и солнце встало. Ему-то кто помешает? Как вставало оно, так и вставать будет. Нет на него управы нашей, и

хорошо, что нет. Оттого и радостно на сердце становится. Но это, если задумаешься, а если нет, то и просто так проснёшься и пойдёшь по делам-заботам каким. Ну да рано или поздно, всё одно задумаешься, и веселее станет. Непременно станет.

– Впечатляет, – подытожил Герман. – Можно и фильм снять.

Женщина в косынке. Это же правда народная. Простым, понятным языком изложенная. А считаешь газеты городские, ничего неясно. Юлят да лгут.

Бородатый. Это точно. Да ещё и выпендриться хотят. Одни заголовки чего стоят. Полюбуйтесь, вот оппозиционная «LIBERПУСЬ». Заголовок: «Эрекция Духа». Или вот: «Увы, но ещё цела девственная плева русской демократии». Да и в других то же самое. Вот официозная «Триединая Россия». Заголовки: «Запад думает задом», «Олигархическая виагра демократии». Для кого это писано? Вначале должно быть слово, и слово должно быть у народа.

Женщина в косынке. Это вы точно подметили. Народное слово точное самое. Ах, что за овраги, что за виды!

Евгений и Герман бесчувственно расстались с электрическим железом, безразличествуя о нём и его содержимом. Полустанок пустовал. Вдоль просёлочной дороги всё сплошь травы да цветы. Над ними, подобно немым пчёлам, витали жёлтые бабочки. На таких пространностях жизненного

пути временно забываешь, что Россия – это состояние аффекта, евразийский постмодерн с его непрерывной вариативностью, безграничная и прихотливая подвижность, скитание по надсмысловому ультрапространству, не познающее дорог. Здесь научились в сумрачном лесу не видеть правый путь во тьме равнины русской. Останови на распутье подвыпившего горемыку, возьми его за плечи, обними, спроси: «В чём же суть да тайна твоя, болезный?». Ответит тот: «А в том, что нет во мне той сущности вовсе». – «А где же твоя Россия тогда?» – «Так нет границ у России. Повсюду она. Русский везде Россию найдёт». Вот как! – нет границ, да, видать, и не было. Вот так и идёшь по просёлочной дороге, мыслишь направо и налево вслух, пока не упрёшься в представителя власти на местах. И зачитает он, что «всё сказанное вами о России может быть использовано против вас».

Геолог жил в дощатом домике. Держал козу и руку на пульсе современности, хотя от перемен порядком надорвался. «Нефть меня не интересует, – говаривал он на миру, – липкая очень. Мне милее минералы». Находясь в промежуточном состоянии между депрессией и эйфорией, геолог гармонизировал окружающий мир и выявлял космогонию России.

– Тот, кто вас послал, – разъяснял он уже захмелевшим от самогонки Герману и Евгению, – должен понять, что Россия была предопределена, как это не пафосно звучит, свыше.

Да, да. Примерно четыре с половиной миллиарда лет назад Земля столкнулось с огромным небесным телом, по размеру немногим меньшим её самой. Большая часть тела переплавилась, слившись с Землёй. Ещё немалая доля высвободилась и образовала впоследствии Луну. Эта часть оторвалась от того места на Земле, где позже и возникла Россия. Именно на этом месте когда-то зародились арии. Какой-то биологический генезис породил память ариев, веровавших, что их далёкие предки прибыли с Луны. На участке от ушедшей на орбиту части обосновалось тяжёлое металлическое ядро небесного тела. Под воздействием температуры и гравитации оно вытянулось и приняло примерную форму современной России. Эта была протороссия. Далее, влияя друг на друга, ядро небесного тела и ядро Земли создавали и создают поныне напряжения, порождающие различные поля. А ещё особые тектонические разломы. Вот они-то нам и нужны. И они есть на всей территории России, даже там, где нет гористой местности, вулканов и землетрясений. Это непростые разломы. Я научился их вычислять, и у меня уже есть обширная карта, которая и стала предметом торга с вашим шефом.

Герман. Зачем ему эта карта?

– Чем, по-вашему, он занимается?

Герман. Как чем? Устройством корпоративных оргий.

Геолог. Так-то оно так, но какой обязательный ритуал на всех этих вечеринках?

– Да какой ритуал?.. Разденутся да зелье выжрут, вот и

прёт их.

Геолог. Так вот в этом зелье вся и суть. Состав этого напитка под статью о наркоте подпадает. И рано или поздно проблемы большие будут. Я же могу предложить, как без него обойтись. Но для этого моя карта понадобится. Вы слышали о Пифии – жрице-прорицательнице Дельфийского оракула при храме Аполлона?

Евгений. Слышали. Она в состоянии экстаза изрекала ответы-пророчества вопрошавшим.

Геолог. Вот-вот, в состоянии экстаза. И заметьте, экстаз этот не от напитков появлялся, а от того, что храм Аполлона на разломе стоял. И комната, где Пифия якобы общалась с оракулом, располагалась на месте выхода газа из разлома. Газ этот – этилен, или ещё этен. Второе название благозвучнее, я бы сказал, античнее. Это бесцветный газ со слабым эфирным запахом. В большой концентрации он наркотичен. Пифию пёрло от этена. Она несла ахинею, из которой жрецы стихи сотворяли.

Герман. Прямо-таки античная психоделика.

Геолог. Так вот, на моей карте обозначено много мест в России, где есть такие разломы с выходом этена. И на Среднерусской равнине, где нет ни гор, ни вулканов, этих мест масса. А всё потому, что ядро небесного тела, взаимодействуя с ядром Земли, тревожит мантию, и оттого кора трещит. В эти трещины и устремляется этен. Вы соображаете, к чему я клоню?

Евгений. То есть вы хотите сказать, что если построить на месте выхода этена развлекательные заведения, то можно подавать газ внутрь, не опасаясь быть привлечённым за наркоту?

Геолог. Именно так. И постройкой этих заведений планирует заниматься ваш шеф, а я буду указывать места.

Герман. Всё это впечатляет, но шефу нужны гарантии в виде демонстрации на практике. Вы знаете хотя бы одно место, где можно было бы глянуть на всё это вживую? Какую-нибудь маленькую, узенькую трещинку.

Геолог. Знаю. Знаете его и вы. Но посмотреть это место вряд ли удастся. Я там не был. Но я ведь не был и на многих других местах. Я вычисляю разломы сначала в теории. Есть у меня верная метода, но это, как вы понимаете, научно-коммерческая тайна.

Герман. Так что же это за место, о котором и мы знаем?
– О нём я вам могу сказать. Его вы вряд ли используете. Это московский Кремль. Он был построен на мощном разломе, но выход из этого разлома узок и разветвлён, и потому газ поступает медленно и спонтанно. Достаточно посмотреть на наших правителей: как только они обосновываются в Кремле, сразу меняются. Вспомните Ельцина. В таких случаях говорят «опьянение властью». На деле же их прёт от этена. Он поднимается по трещинам и просачивается сквозь почву, накапливаясь в материалах зданий. Но есть один канал в районе Дворца съездов и в Большом Кремлёвском дворце, из него

этен идёт напрямую в здания – правда, в небольших концентрациях. Там была мощная жила ещё во времена Ивана Грозного – того тоже пёрло вовсю, – но при строительстве Дворца съездов её замуровали фундаментом. Да только этен – такая штука... Он как родник: в одном месте перекрыли – в другом просочится. Но есть и спящие жилы. Достаточно неглубоко пробурить в том месте, и этен пойдёт.

Евгений. То-то Ельцин всё время в Борвихе отвисал. Видать, передозировки были.

Герман. Боюсь, вам придётся предложить для проверки другое место. Может, в Кремле этен и реально вставляет, но мы-то не проверим.

Геолог. Хорошо. Тогда по-деловому. Вы связываетесь с шефом, и, если он согласится на мои условия, я вам покажу первое место, где можно начать действовать. Здесь недалеко от полустанка есть отделение «Долгорукий Ю. Банк». Пусть шеф переведёт на них в течение часа вот эту сумму, и я сразу покажу вам место.

Герман. Это место в Москве?

– Могу показать и в Москве.

Герман. Я выйду во двор позвоню.

Евгений. Скажите, если вы обладаете безотказной методой обнаружения выходов этена, то почему бы вам не разработать метод по обнаружению нефтяных месторождений?

Геолог. А я давно уже разработал. В начале девяностых наш институт закрыли. Потом и приватизация пронеслась.

Всем сказали спасибо и попрощались навсегда. Я остался ни с чем. И вот тогда начал продавать точные координаты месторождений нефтеразведкам всяческих компаний, в общем, всем, кто был связан с этой темой. Они меня часто доставали. И однажды я сбежал от них на Лазурный берег. Купил там большую недвижимость и загулял. Просадил все деньги – миллионы баксов. Любил гулять, широко и бездарно, как гуляют обогатевшие русские в зарубежье. Любил и Париж. Любил подняться на Эйфелеву башню с пакетами пятидесятифранковых купюр и высыпать их на ветер. Ты когда-нибудь видел, как деньги с изображением Сент-Экзюпери и его самолётов кружатся вокруг башни? Это завораживает. Летучие франки над городом. Но больше нефтью я не занимаюсь. Тёмное это дело и скучное.

Герман (входя). Ну всё, шеф согласен. Сейчас деньги переведут.

Геолог. Тогда идём. Скоро банк закроется, а мне проверить надо. Вот той дорогой пойдём, срежем путь.

Кто же тебя создал, просёлочная дорога? Кто тебя раскинул по миру? Густыми мазками легла ты меж трав, да цветов, да акаций пахучих. И разве о деньгах, по тебе идя, думать надобно? А всё ж думаешь. Ибо приучен уже человек наш о деньгах думать да о них только и думает. Вся нация многонациональная только о деньгах думы думает. А посмотришь в глаза той нации – и видно там: не готов наш человек к ка-

питализму, не готов. О другом он думал, а ему спросонья и объявлять ничего не стали. Сам он увидел да и понял потом, что вот он, капитализм, в каждый дом проник, да застрял в проходах. Объявился окаянный, где его не ждали. Эпидемией люд наш косит. «Заботься о завтрашнем дне, – говорит, – сам-то он уже о себе не позаботится». Вот щит рекламный у просёлочной дороги, как мёдом намазанный, притягивает. Загляденье. И упирается лбом наш человек в эту Стену Радости, и изрекается на щите том смысл бытия нашего: твой внутренний мир, человеке, иллюзия. Твоё сознание потусторонне. Перестань сейчас же страдать. Прими мою реальность, она была безвидна и пуста, но отринули Ничто, и стал Свет, и увидали сущность вещей изменяемых, быстротечных, подвижных, непостоянных, бесконечно делимых, тождественных тебе самому. Вот так раскрывается бытие. Так будь бытием, потреби бытие и возрадуйся! И да будет так.

Геолог. Я проверю поступление на счёт в банке. Подождите на платформе.

Евгений. Я не пойму до сих пор, как к нему относиться.

Герман. Чудаковатый мужичок. Здесь нужно понять, где его прёт, а где реальные вещи. Если карту заполучим, наш процент хороший будет. Лишь бы всё это не лажа вышла. Интересно, где он карту хранит? Вероятно, в банковской ячейке. Дома вряд ли. Какой-нибудь DVD или флэшка. Это он

только прикидывается простым. Мультимиллионер в телогрейке, с козой на поводке. Такая вот экзистенция по-русски.

Геолог вышел из банка неспешно, с пустыми руками, не курил, не был задумчив, молчал. Молчание и пустота рук зачастую бывают непостижимы.

Геолог. Деньги пришли.

Герман. Ну, так вы едете с нами в Москву?

– Зачем?

– Как это зачем? Место показать.

– А вы его и без меня знаете – бассейн «Олимп». Под ним спящая жила. И бурить глубоко не надо. От основания фундамента всего ничего. Расчеты и чертежи я пришлю по электронке. И не вздумайте сами бурить. Знавал я эти номера – пробы в шахматном порядке. Жила уйдёт, а бассейн даст просадку. Я своё дело знаю.

Смеркалось, прохладновело. Комары. Дачники. Электропоезд на Москву. Напротив те же люди – образом и подобием интеллигенты.

– Я думаю, диссидентство – это всё от городского образа жизни. Человек-пахарь в земле правду ищет, а не в среде западных либералов, – утверждал бородач.

Ему возражал безбородый:

– Правозащитники, коих вы диссидентами зовёте, в том числе и права пахарей отстаивают. А кто же ещё им поможет?

Женщина в косынке. Им корни их помогают, а вашим правозащитникам – кто? Запад?

Безбородый. Да сдался вам этот Запад! И потом, что вы будете делать, когда Запад исчезнет? Со времён Пушкина Запад ругаем, а потихоньку-полегоньку всё от Запада тащим.

Женщина в косынке. Это потому что не верили в Россию и русского народа боялись.

Безбородый. Это точно. Я сам насквозь русский и потому боюсь русских. Выходит, я и себя должен бояться? Так и боюсь, как тот сталкер перед комнатой желаний: а вдруг весь мир захочу. Непредсказуемы мы, а потому опасны. Русский человек – это биологическое оружие, как сказал мне один бомж на Чистых прудах.

Бородатый. А вот это всё Запад нам и внушает, ибо Россия никогда не была телом, но всегда была духом. А телом её сделали недруги, чтоб надругаться.

Безбородый. Да прошли уже те времена, когда на Запад озирались. Сами о себе думаем. Думаем и делаем. Да вот взгляните на статью правоведа Калигулина. Сработал в яблочко. К тому же ясный и современный язык. И молодёжь его хорошо знает. (*Обращаясь к Герману и Евгению.*) Вы знаете этого автора?

Герман. Признаться, нет.

Безбородый. Тогда прочтите прямо сейчас. Обязательно прочтите.

Евгений и Герман читают.

Клаустрофобия на евразийских просторах

*В Западной Европе люди погибают от того, что
жить тесно и душно, у нас же от того, что жить
просторно...*

А.П. Чехов

Врач Дорн из чеховской «Чайки» любил город Геную за превосходную уличную толпу. За движение в ней без всякой цели, туда-сюда, по ломаной линии. Но вот Евразия, окаймлённая границами России, чем хуже для гуляния туда-сюда по той же ломаной линии? Одна беда: с толпой здесь лучше не сливаться. Если в Генуе толпа способствует психическому с ней слиянию, да так, что начинаешь верить в одну мировую душу, то на просторах нашей с вами Евразии лучше гулять одному и думать о собственной душе. Я знаю это. Я живу как раз на географической границе Европы и Азии, тянущейся к нашим краям от Каспия и дальше – до Азовского и Чёрного морей, и без труда могу совершать прогулки туда и обратно, в смысле туда-сюда. Но гулять бездумно здесь нельзя, иначе сольёшься с толпой. Надо думать и мыслить.

Вот настало время очередной прогулки. Я выключаю телевизор, в котором только что закончилось ежегодное послание Владимира третьеримлянам, и иду в Азию. О чём

я думаю, переходя границу? О том, что Европу оплодотворил Зевс, породив правителя – законодателя цивилизации. Но вот кто позарится на Азию? Возвращаюсь обратно – мимо бредёт призрак капитализма. Он дико озирается, хлюпая в нефтяных лужах, ищет пристанища. Бубнит себе под нос, что Азия – сырьевой придаток Москвы. Бредёт дальше. Впереди меня толпа – это народ. Я хорошо знаю, что народ наш одинаково опасен – и когда напьётся пива, и когда начитается Бердяева.

Ладно. Иду дальше. Мимо врачи «Скорой помощи» везут на каталке пожилого мужчину. Он хватает меня за рукав:

– Знайте же, не было ещё дня, когда я, бывший комсомольский вожак, строитель Магнитки, коммунист и ударник, не славил бы Господа за то, что он дал мне возможность с моим умом и талантом родиться в России. И если бы не мои молитвы и борение духа, «Макдоналдсы» пожрали бы Русь, а колы было бы больше, чем нефти. И ещё...

– Что с вами? Вам плохо?

– Нет, нет. Нагнитесь, я скажу вам главное: знайте же, Кинг-Конг жив!

Старик затихает. Я закрываю ему глаза. Иду в Азию. Топчу полезно-болезненные ископаемые и думаю: когда же они станут по-настоящему полезными? А в полезные они превратятся, когда последняя капля нефти переполнит чашу потребления, а газом перестанут травить бюджет. Мыть золото и промывать мозги будет не так выгодно, как считать

драгоценным сплавом умы. Вот тогда и наступят благодатные времена. Деваться некуда, придётся строить академгородки, стремиться к искусству доброго и справедливого. Конечно, к тому времени часть населения эмигрирует или вымрет, но дождавшиеся гуманитарного благоденствия наплодят нацию интеллектуалов. Хотя, возможно, никому эмигрировать не дадут. Интеллект объявят национальным достоянием, не подлежащим к перемещению за рубеж. Всех согнут в закрытые научные центры и заставят паять микрочипы или клонировать дальневосточных поселенцев. Последнее жизненно важно уже сейчас: китайцы (я думаю, они давно размножаются коллективно-бессознательным клонированием) захватывают числом и умением дальневосточные земли, ничуть не посягая на наши полезные ископаемые. Пока. И эти китайцы не держат под мышкой томик Конфуция, а руководствуются принципом: «Плодись и Заселяй». Так что чем быстрее закончатся эти полезные ископаемые, тем скорее то пойдёт нам на пользу.

Но пора в Европу. И здесь народ, зажатый с трёх сторон, пытается выжить в условиях чудовищного давления с хроническим безденежьем. С одной стороны давит государство, с другой – подпирает церковь, с третьей – кто-то иной не оставляет выбора. Государство не даёт спать спокойно, хочет взять своё, но говорит: «Отдай всё!». Церковь берёт своё, но хочет больше. Госчиновники уже давно не могут питаться молоком закона и самодовольно венчают пирамиду социаль-

но-пищевых цепей, основанных на потреблении массой «зелени». А обезумевшие попы, заходясь в религиозном экстазе, не могут поверить, что жить можно и по-божески. А те, иные, просто делают из толпы кровавую колбасу и продают её этой же самой толпе, руководствуясь законом «толпа – деньги – толпа». Но даже при всём этом народ считает, что живёт в Великодержавности, а Свобода – это иностранное слово, которое никак не переведут на русский.

– О чём ты думаешь? – спрашивает меня бармен, глядя, как я сосредоточенно смотрю на оседание пивной пены в бокале. – Никак, о свободе? Да брось. В империи как в империи. Если ты назвал свою страну сверхдержавой, ты уже автоматически подданный империи. Таковы законы глобальной политики.

И в самом деле, что это я себе голову ломаю законами о беззаконии? Но от всех этих перемещений туда-сюда по Евразийской ломаной линии возникает ощущение зажатости – Европой, Азией, толпой, государством, церковью, прочими, и начинаешь понимать, что всё это способствует твоему психическому разливаю по бескрайним просторам, стремящимся к бесконечности, и неотвратимо ведёт к клаустрофобии. Одно спасение – мыслить! Да, надо быть мыслящим и думать, думать, думать. Думать по-новому и не о том, что раньше. Прошли те времена, когда человек мыслил одним вечером, а утром, идя на работу, или думал о всемирной душе, или был трезв. Сегодня думы другие, и утро набегаёт

ускоренной съёмкой. Так о чём же я думаю, глядя на прыгнувшее в зенит светило? Разумеется, о том, о чём и должен: об институтах демократии, о либеральных ценностях, личных свободах и правах человека. Ну а о чём же я мечтаю в такие минуты? О мировом господстве!

Пассажиры вагона в сознательном молчании гляделись в законную Русь, а машинист электропоезда ровным, поставленным голосом вещал, что Россия полна божественного смысла, являющего собой царство Русской идеи – вечной, нетленной и пребывающей в своей лучезарной красоте.

Ах, вокзалы! Русские вокзалы! Как много в этих звуках... Сквозь навязчивые, ночные облака Москвы бессмысленно проглядывает перепуганная звезда. В Москве много света, и потому звёзды в здешнем небе выглядят анахронизмом. Предвыборный агитационный щит на вокзале залит услужливым светом, освещающим лик кандидата в думу Дмитрия Лже. Его лозунг: «Бог и Стабильность!».

Евгений и Герман устремляются к засыпанному сумраком спальным районам. День изжил себя, и несговорчивая, отяжелевшая ночь наваливается на неменяемое пространство. В нём бродят неприкаянные русские люди, вступившие в «союз огня и огненной воды». Русская чёрная ночь – тяжёлое испытание для их мятущихся душ и незрелого духа. Спирт спит, пока покоен огонь. Но невыносим чернею-

щий воздух, наделённый способностью воспламенять тлеющий разум. Возгорается всё внутри русского человека, и передаёт он свой огонь из чрева в мир, его окружающий, в действительность, бок о бок с ним существующую и потому – обречённую.

Утро седьмого дня. Кофейня на Чистых прудах. Герман показывает Евгению распечатку дешифрованных правительственных перехватов.

Герман. Наверху уже беспокоятся о моральном климате нашего люда. Вчера перехватил. Полюбуйся: «Совершенно секретно. По правительственной связи. Ввиду того что глобальное оледенение набирает силу, и территория России по-прежнему остаётся единственным полностью не замерзающим пространством, есть реальная опасность, что народы из сопредельных государств, а впоследствии и из других частей света, попытаются любым способом обосноваться в нашей стране. Не исключено, что одним из механизмов воздействия на наш народ будет спиртовая агрессия с целью сделать недееспособными граждан России. В связи с этим считаю целесообразным кодировать народонаселение страны, начиная с тринадцатилетнего возраста, независимо от пола и вероисповедания. Поручить медицинским центрам разработку биологической защиты на генетическом уровне от воздействия алкоголя».

Евгений. Это серьёзная задача. Как бы социальных по-

трясений не вызвать.

Герман. Здесь нужно действовать тайно. Все эти кодирования наверняка засекретят и будут делать не спрашивая – под видом вакцин от гриппа или ещё чего. А иначе бунт. Ну, нам пора к шефу.

На Чистопрудном бульваре между пьяными людьми русского происхождения, облачёнными в одеяния готов, бродил бомж и сминал ногами пивные банки. Герман дал ему пустую банку из-под колы. Бомж блаженно улыбнулся, пустил слюну и сказал, глядя на пруд:

– И тогда эллины, видя, что русичи много пьют, решили на них наброситься и побороть их. И пришёл волхв, и брат его Соловей. И они сказали русичам: «Не напивайтесь этими дарами!». Но русичи их не послушали. И вот напились. И в тот день эллины набросились на них и разбили их. И, погибель свою видя, отошли русичи в степи.

Евгений. Как в воду глядит.

Герман. Это местный юродивый, бывший инженер с засекреченного завода. С него до сих пор подписку о невыезде не сняли. Продвинутый тип.

Лотошник, торгующий дисками, предлагал новый DVD с двумя фильмами: «Хладная плоть» и «Ермак в Византии».

Аннотации:

хладная плоть

Трагическая история любви преуспевающего патолого-

анатома, изменяющего своей жене с трупами.

ермак в византии

Остросюжетный, захватывающий блокбастер, основанный на реальных событиях, воссозданных благодаря исследованиям русским историком Парамзиным рукописей Александрийской библиотеки и Константинопольского архива.

Герман купил.

Бассейн «Олимп» не пустовал и утром. Шеф жаловал прогресс. Вчера в углу самого бассейна оборудовали подводный грот и рядом положили «затонувшую» галеру. Запись желающих понырять в пещеру велась непрерывно. Приятели вошли в знакомую дверь без надписаний. Поздоровались.

Шеф. Я думаю, к ночи выкачать почти всю воду, оставить только в гроте, где-то по колено. Пусть оттуда выходят вакханки. Кстати, я получил схемы и чертежи от вашего геолога. Неплохо было бы наладить подачу газа внутрь бассейна. По вечерам будем выкачивать воду и пускать этен. И вакханок побольше. Я уже договорился с модельными агентствами. Ну, пойдёмте кофейку попьем. А это что у тебя за фильмы?

Герман. Купил по дороге.

Шеф. Глянем после парилки. Но только не «Хладную плоть». Здесь это неуместно. «Ермака» посмотрим.

Плазменный экран дал изображение. Заставка:

«Велес-продакшен» и творческое объединение «Русификатор» представляют фильм режиссёра Белобогова **ЕРМАК В ВИЗАНТИИ.**

Фильм основан на подлинных событиях, произошедших во времена покорения Ермаком Византийской империи.

Съёмочная группа выражает благодарность историку Парамзину, предоставившему архивные материалы, лёгшие в основу сценария.

Всплывает надпись:

1576 год.

Стан Ермака на Волге в месте слияния с рекой Большим Иргизом.

Стоящее неподалеку укрепление из тёсаных брёвен. Сидят Ермак и его помощник Иван Кольцо.

Иван Кольцо. Слышал, Строгановы на службу зовут? Обещали плату немалую.

Ермак. К ним мы завсегда успеем. У них и так гарнизоны наёмные в каждом городке есть. Справятся пока и без нас. Да и охоты у меня большой Строгановым служить нет. Скупы они. О себе только думают. Нам службу государю надобно прежде сослужить. Я думал в Сибирь идти, Кучума бить,

но теперь другое мыслю. Прослышал я, что Византию притесняют, житья не дают османцы. И царь их Византийский в Константинополе подмоги ищет. Вроде как папа Римский пообещался помочь, так народ по всей Византии воспротивился. Шутка ли, под папским престолом сидеть. Так вот, думаю, туда надо собираться. Византию воевать, чтобы наша была. Государю то подмога большая. Там богатств множество. Ну, да на них уже глаз положили крестоносцы. Поход готовят. В Палестину-то передумали идти. Пойдут на Константинополь. А нам опередить их надобно. Коли Византию вассальной России сделаем, и государь доволен будет, и житьё наше скудное поправим. Там же искусства всякие, наука, а не токмо золото да шелка. Сдались нам эти Строгановы. Давай на Византию двинем.

Иван Кольцо. Тебе виднее, Ярёма.

Ермак. К вечеру круг собирай. Решать будем, куда податься.

Вечер. Казаки собрались внутри укрепления. Развели костёр. Вперёд выходит Ермак.

Ермак. Вот что скажу вам, люди вольные. Думал я прежде в Сибирь идти, Кучума громить. Дело то важное для государства всего, да и нам слава на веки. Но прослышал я, что чердынский воевода Пелепелицин донос царю отправил. А в доносе том указал, что якобы мы уже на Сибирь пошли. А государь воспротивился походу нашему, потому что не время. Выждать надобно. И указ дал воеводе, чтобы нас поль-

зовать для оберегания пермских мест. А там Строгановы хозяева. А скупость их всяк знает. И потому хочу я вам другой путь указать и город тот, Константинополь, воевать. Потому как тогда всей Византией владеть будем. А Сибирь подождёт. Кто в холода те сунется ещё, кроме как прижившиеся в земле той? Так и подождёт пусть Сибирь. Это Строгановым прок будет, коли мы вскорости туда пойдём, а нам труд тяжкий за их резоны.

В круг выходит Никита Пан. Ты верно говоришь, Тимофеич. Так ведь, поди, Константинополь тот – город крепкий да воинов у них в достатке будет. Как воевать там?

Ермак. На то смекалка казацкая есть.

Поднимается Иван Карчига. Смекалка-то смекалкой, да мы-то если три сотни казаков наберём, так и то славно будет. А их-то, поди, тьма тьмущая, да ещё за стенами крепкими. У нас и пороху не хватит, чтоб проломить их.

Берёт слово Окул. Карчига верно говорит, атаман. Не сладим мы с той крепостью. А вот Кучума в Сибири осилим. Так что я в Сибирь предлагаю.

Ермак. А я не зря о казацкой смекалке речь завёл. Прознал я, что не одни мы ту Византию хотим. Но прежде нас на неё уже крестоносцы глаз положили. И они там раньше нашего будут. Папа Римский их на то благословляет. И пойдут они в четвёртый крестовый поход свой Византию брать. Войска у них с избытком, да вот пороха нет. Не знают они ещё пороха. Вот пускай те крестоносцы и начнут первыми.

А как только ворвутся они в город да грабежом и другими делами постыдными займутся, так и мы вслед за ними войдём и в темени ночи перебьём всю эту нечисть. И тогда город нашим станет.

Савва Болдыря слово берёт. Раз так, атаман, то судьбину можно и в Византии пытаться.

Зашумел круг. Одобряют казаки план Ермака.

Видеоплан берега. Утро. Казаки строят струги. Кто-то поёт песню.

Видеоплан реки. Казацкие струги плывут по реке. Все поют песню.

Крупный план Ермака. Рядом с ним Иван Кольцо.

Ермак. Дойдём по реке до переволоки. После по Дону до моря. А там захватим торговые суда басурман и пойдём через море к Константинополю, будто мы люд торговый. Станем на якоре недалече и наблюдать будем.

Иван Кольцо. Верно говоришь. Так и сделаем.

Крик с первого уструга. Гляди, корабли торговые! Небось, Строгановых товары.

Зашумели казаки.

Крики. А ну, пошерстим их! Нам в дальний путь сгодятся! Давай, атаман, враз их приберём!

Ермак (громко). А ну, долой шуметь! Мы не разбойники какие и не люд лихой. Негоже разорение чинить. Нехай плывут. У нас дело важное.

Стихли казаки. Плывут дальшие.

Голос за кадром. Через месяц был Ермак с войском у берегов Чёрного моря.

Идёт видеоряд: высадка Ермака у небольшого посёлка.

Голос за кадром. Захватив четыре турецких торговых корабля (*видеоряд: набег казаков на судна; стрельба, крики, падение матросов за борт*), казаки отправились через Чёрное море к Константинополю.

Видеоплан моря и горизонта. Крупный план Никиты Пана.

Никита Пан. Провизии и пороха у нас в избытке теперича. Глядишь, и одолеем ту Византию.

Ему отвечает Окул. Наше дело – быстрота, а то при малом числе долго не повоюешь.

Наблюдатель кричит с мачты. Константинополь!

Ермак. Остаются на палубе те, кто правит. Остальные – вниз. Пусть думают, торговать мы приплыли.

Голос за кадром. Тем временем флотилия крестоносцев, отплывшая из Венеции, вошла в Мраморное море и атаковала Константинополь.

Видеоряд: множество судов с тевтонскими крестами на парусах идут морем. На горизонте виден Константинополь. Приспустив паруса, корабли подходят к стенам города. Начинается штурм. Казаки со своих кораблей наблюдают за ходом боя. К вечеру штурмующим удаётся проникнуть за стены, и они начинают жечь город.

Ермак. Под утро с рассветом начнём. Ворота сломали.

Войдём легко. Погремим пушками. Но перед тем к судам их подберёмся да попалим их.

Видеоплан моря. Едва светает. Казацкие корабли подходят к судам крестоносцев. На палубах казаки с пушечками и пищалями.

Ермак кричит. Сарынь на кичку!

Видеоряд: казаки открывают шквальный огонь. Суда крестоносцев загораются. Казаки высаживаются на берег и устремляются к воротам города. Пройдя стены, казачье войско закрепляется в здании. Крестоносцы, придя в себя, собирают отряд для атаки. Казаки спешно переносят в здание порох и быстро заряжают пушки и пищали. Крестоносцы начинают атаку конным и пешим порядком. Казаки открывают шквальный огонь.

Крупный план передних рядов крестоносцев. Ядра и пули ударяются в атакующих, вышибая внутренности и мозги. Двум воинам отрывает руки, и они начинают рыдать. Другим ядром отрывает головы, и брызнувшая кровь заливает объектив камеры.

Под всадником сносит коня, и он падает на копье пехотинца. Копье пронзает его насквозь и остаётся торчать в лежащем теле. С копья стекает кровь на белый плащ крестоносца, заливая крест. Ряды крестоносцев, не продвинувшись и на двадцать метров, превращаются в кровавое месиво. Задние ряды смешались и собираются бежать.

Ермак кричит. А ну, гони басурман!

Казаки с пиками и саблями гонятся за отступающими крестоносцами и захватывают центр города, паля из пищалей.

Голос за кадром. Оставшиеся в городе жители, насмерть напуганные и штурмом крестоносцев, и пищалями казаков, попрятались по домам, и больше суток никто из них не показывался на улице.

Видеоряд: казаки ходят по пустынным улицам и площадям, разглядывают архитектуру, разбросанные книги и скульптуры.

Голос за кадром. Только через два дня Ермаку удалось найти византийского императора и убедить его стать вассалом русского государя.

Крупный план Ермака и Ивана Кольцо на фоне залива.

Иван Кольцо. Вот и славно, что мы Византию отвоевали. Хорошо здесь. Да и государь доволен будет.

Ермак. То верно, что хорошо. Надо было завоёвывать, а то всё одно турки бы захватили. А теперь наше.

Иван Кольцо. Может, Тимофеич, не пойдём на Сибирь? Тут, гляди, как тепло и море всюду.

Ермак. Нет, пойдём. Сибирь тоже нашей будет. Вот дождёмся царских воевод и двинем Кучума громить.

Звучит одухотворяющая музыка. Видеоплан Константинополя и части моря. Ермак и Иван Кольцо смотрят в сторону России.

КОНЕЦ ФИЛЬМА

Шеф. Я тут что-то не понял. Пока бассейн под античность оборуодовали, я с историками парился, и они много о тех временах рассказывали. Когда был этот четвёртый крестовый поход?

Герман. Сейчас позвоню одному юродивому. Мы его сегодня на Чистых Прудах встретили. Он всё знает.

Герман (*в мобильник*). Слушай, дружище, скажи нам, когда четвёртый крестовый поход был? В тысяча двести четвёртом? А ружья у крестоносцев были? А, не знали ещё пороха. Так... А когда Ермак Сибирь отвоевал? В начале восьмидесятых годов шестнадцатого столетия. Ну, спасибо. Бывай.

Евгений. Это что ж, выходит, Ермак отплыл из шестнадцатого столетия с порохом и прибыл в Византию начала тринадцатого века, где пороха ещё не знали, и потому победил?

Герман. Хороший у них консультант был. Ну да главное – фильм сняли, и фильм патриотический. Остальное кого волнует? Так что, с геологом работаем дальше?

Шеф. Придётся. Всю карту он сразу не отдаст. По частям нам её открывать будет. Оно, конечно, оптом бы лучше, да видно, он рассчитал всё по-своему. Когда закончу бурение под «Олимпом» и газ подадим внутрь, дальше с ним пора-

ботаем.

20nn+3-й год от рождества Христова. Мир вмерзает в новейшую историю. И только над Россией туманы и прежние климатические устои. Люди всех рас и наций любыми путями стремятся в Россию. Миграционные службы Российской Федерации делают на этом большущие деньги. Устроиться на работу в паспортный стол стало совершенно невозможно. Добыча нефти сокращается. Замерзающие страны перестают бороться с оледенением, осознавая неэффективность всех мер. Лишь беглые российские олигархи, обосновавшиеся в Лондоне, отчаянно пытаются спасти положение. Выделены огромные средства для создания и усиления парникового эффекта над Британскими островами. Постоянно покрывают лёд нефтяной плёнкой для уменьшения отражательной способности солнечного света. Мегатоннами производят реагенты для растопки ледяного покрова. А в России, понимая всё более возрастающее её влияние на остальной мир, готовят проекты по замыканию всех мировых процессов на Российскую Федерацию. Планируют ввести всеконвертируемую валюту евразий, обеспеченную климатической стабильностью России. Всё больше различных эмигрантов создают себе родословные с русскими корнями. Для этого уже основано множество посреднических фирм. Крупнейшие мировые автомобильные концерны стремятся перенести производство на территорию России, приспособив свои брен-

ды к реалиям и историческим особенностям незамерзающей державы. Например, концерн BMW перенёс производство в Белгород. Соответственно, название теперь пишется кириллицей – БМВ – и расшифровывается как «Белгородский машиностроительный великан». К тому же под историю создания BMW подводится русская мифологическая база, основой которой послужила книга «Русское бытие как оно было», написанная одним из последователей Дугина. Жители России за невероятно большие деньги сдают приезжим (коих официально именуют «навредоп» – на время допущенные) самое различное жильё, в том числе хозяйственные постройки и погреба. Работяги и менеджеры на предприятиях уступают на долговременных соглашениях свои рабочие места эмигрантам за фантастически огромный процент (98,73 %), официально установленный правительством. Вскоре работающего русского становится трудно найти. Разве что на высших управленческих должностях да ещё среди художников и прочих творческих элементов. В Думу поступает проект о внесении изменения в Конституцию Российской Федерации, где предлагается статья «О праве на добровольный выбор гражданина России трудиться или же заниматься созерцательной деятельностью, направленной на постижение русской бытийности, и получении за оба процесса одинакового вознаграждения».

В случае же, если гражданин Российской Федерации чрезмерно увлекался созерцанием иных культур и духовно-ма-

териальных ценностей, он лишился всякого материального вспоможения за этот род деятельности и переводился на любые другие работы, выбранные им по его желанию и с его возможностями соотносимые. Решение о переводе должен принимать суд. Основанием для судебного разбирательства могли служить публичные высказывания гражданина, его образ мыслей, манера держаться, стиль одевания и всякого рода другая деятельность, выходящая за рамки созерцательной сферы установленного объекта.

Было самое обыкновенное русское утро, размазанное по привычным пейзажам. Евгений и Герман ехали к геологу. Геолог давно пребывал в запое, проматывая полученные деньги за «Олимп». Когда деньги кончились, геолог пришёл к мысли, что русские созданы для страдания. А пред всяким выходящим из запоя предстаёт русский сфинкс с вопросами: «кто виноват?» и «что делать?». Страшные, по сути, вопросы, ответов не имеющие, и потому издевательские. Но дающие страдальцам с той же издёвкой очередные попытки искать ответы дальше. А ведь, когда были деньги, геолог не скупился ни на что, и заботой многих облагодетельствовал. Мужикам в посёлке купил большущие дорогие трактора цвета зеркальный металлик. Редкие тропические культуры у себя в огороде принялся выращивать. Затем скупил всю коллекцию восковых фигур мадам Тюссо и построил под неё огромный ангар. Пить он уже начал да сильно так в запой ухо-

дил. И пил-то всё самогон деревенский. Никаких Hennessy не признавал. Зайдя раз к дружку по соседству потолковать о земле-кормилице, увидел в его телевизоре фильм «Титаник». И так его фильм захватил, что решил геолог выкупить большую часть поселковых земель и возвести на них восковую фигуру потопившего «Титаник» айсберга в натуральную величину. Остальные фигуры он приказал переплавить и вылепить из того воска русскую рубленую избу, поместив в неё восковую фигуру его бабушки, Лукерьи Ивановны, воспитавшей его в одиночку. Геолог строил храмы и бани, но асфальтировать дороги категорически отказывался: «Грех прятать русскую землю под смрадным покровом». На последние деньги геолог соорудил ипподром для скачек на русских тройках, и никакие другие скачки не признавал. В дни особо сильных запоев водил по посёлку медведя и всякого встречного просил, чтобы тот присмотрел за животинной, если вдруг сам геолог помрёт. Понятное дело, никто не отказывался. Но деньги кончились. Деревенская агентура донесла эту весть до шефа «Олимпа», и Герман с Евгением уже сидели в горнице геолога. На бревенчатой стене висела картина «Крещение Новой Руси», заказанная геологом Илией Глазунову. В лике князя Владимира угадывались черты президента. Крещение проходило на Москве-реке у храма Христа Спасителя. Множество люду, оставив дорогие иномарки у храма, спускались, обмотанные простынями и со свечами в руках, к большой проруби. На другом берегу реки на прон-

зительном ветру стояла толпа демократов, либералов и коммунистов, вжавшихся в пальто и меховые куртки с иноземными лейблами. Среди них виднелись полуразмытые лица Навального, Явлинского и Зюганова, с тоской и нескрываемой злобой смотрящих на священнодействие. Фигура князя Владимира была крупнее остальных. Внизу мелкая надпись: «Был мужем сильным и от Бога вразумляемым».

– Я решил жениться, – помолчав, сообщил геолог, – на женщине скромной, трудолюбивой, чтоб уют и достаток ценить умела.

Герман. Уют и достаток – вполне нормальное состояние для женщины, если она ни Дженис Джоплин или Жана Дарк. Только вы ведь не женитесь.

– Это точно, – кивнул геолог, – не женюсь.

Герман. Ну, вот и славно. Раз так, о деле потолкуем.

– Потолкуем. Угощайтесь, – геолог придвинул к приятелям трёхлитровую банку с мутно-белым настоем. – Это древний русский напиток сурица – забродивший мёд, хмель, травы и молоко. Рекомендую во всех тяжких состояниях. Силы придаёт. Так вам новые места нужны?

Герман. Желательно вся карта.

Геолог. Так уж и вся?

Герман. Да. Учитывая ваше тяжкое состояние, какое фатально кончиться может, мы бы желали все месторождения оптом получить.

Геолог. Ну, да не хороните меня раньше времени моего.

А вот когда я вам всю карту выдам, вот тогда вы меня точно похороните, чтоб ещё кому не перепродал. Так ведь ваш шеф мыслит?

Герман. Я в его мыслях не лазил. Мы деньги хорошие даём. Какие ещё проблемы?

Геолог. У меня нет проблем, страдания одни. Страдаю я по России. И она по мне стонет. Мы друг без дружки никак. Если б вы знали, как земля русская стонет. Опять всё в движение пришло. Мыслимо ли, такое тело небесное тревожится.

Евгений. Ну, а нам-то что с того?

Геолог. А это, ребята, ещё одна моя великая тайна. Часть её я уже вам рассказал. А теперь скажу вот что: Россия потому не замерзает, что ядро небесного тела и земное ядро во взаимном действии пребывают. И пока тот процесс идти будет, тепловая энергия не ослабнет, и Россия не замёрзнет. И не льды на неё вековые лягут, а вода животворная потоками своими жизнь охранит. Вот туманы разве что часто нависают. Но это уже от разницы температур происходит. И в том не наша вина. Это всё льды сопредельные тому причиной. А мы как жили, так и жить дальше будем назло всем этим русофагам.

Евгений. Вы хотели сказать, русофобам?

Геолог. Да нет, я сказал русофагам. Это те, которые Русь нашу сожрать хотят, подбрасывают ей бедствия и бедствиями её питаются. Да только теперь вот приморозились. Пыл

свой поостудили. А место я вам покажу. Вам в Москве нужно?

Герман. В Москве и ещё на юге страны, где игорную зону основали. Там денег крутится, как в бюджете, и люд мозги теряет. Вот там неплохо было бы несколько мест.

Геолог. Ладно, помыслим. Да вы пейте сурицу. Говорю вам, древний русский напиток. От него сила, и думы тяжкие он облегчает. А думы о России – они какие ни на есть тяжкие. Может быть, самые тяжкие, зачастую отягчающие обстоятельства. Я, когда самогон не пью, сурицей только и спасаюсь.

Герман и Евгений с опаской отпили из банки.

Евгений. Вот вы говорили о туманах над Россией. А не думаете ли вы, что из-за туманов этих возникнет парниковый эффект?

Геолог. Парниковый эффект, если и возникнет, то на руку нам сейчас будет. А дальше посмотрим. Туманы легче разогнать, чем льды растопить. Скоро технологии выработаем, и никакие туманы страшны не будут. Да вы пейте, пейте. Напиток-то по традициям предков приготовлен.

Герман. Да, вкус древнего поверья.

Евгений и Герман уже без боязни допивают всю банку.

Геолог. У меня хоть о России думы тяжкие, но вера в неё зато твёрдая. Под хорошим знаком Россия пребывает. Водолей – её знак, проливающий на землю воды бессмертия. Всё льдом покроется, а Россия жизнь сохранит. Человеколюбие

ей присуще. Независимостью суждений её люди обладают. Нам остальные не указ – что Запад, что Восток. Где они теперь? Подо льдом все. Рассердился на них Водолей да лёд напустил. А что такое лёд, как не замёрзшая вода. Все, живущие под Водолеем нашим, решительны и упрямы. Да ещё, говорят, эксцентричны. Только никакие мы не эксцентричные. Просто помыслы наши да деяния не может остальной мир уразуметь. Не умудрились ещё, вот и прозвали нас эксцентричными. А какие мы эксцентричные? Мы просто душой больны, когда люд остальной идей наших понять не может да и не хочет. Оттого и обиженными себя иной раз чувствуем, и ссоримся, и ведём себя вызывающе, и отвергаем тех, кто не дорос до наших высот духовных. Мы ведь нежадные. И природу любим. Хотим быть свободными от тяжести материального мира. Душой щедры. Мир созерцаем так, как никому не дано. Колеблемы, правда, меж инстинктами и рассудком, так то потому, что новизной всякой поганой искушаемы. Оттого и противимся, когда указывают, что и как сделать, да ещё и сдерживают. Тесно, душно оттого. Наша стихия – воздух. А ещё, суки, с подковырками к нам подступятся да изрекут: «Вот, мол, речи у вас вроде как правильные. Люди всё едино душевные. А что ж живёте так херово?». А я им отвечаю: «Мы-то и без вас знаем, что дров наломано да щепка до сих пор летит. Да уразумейте, падлы, что слово-то наше не из змеиной пасти вышло. Что делаем, на то воля наша. А вы девизом моим руководствуйтесь: «Делайте, как я

говоря, а не так, как я делаю». Ибо знаю. Волхв я, потому и ведаю...

...И встал князь светлый и молвил: «Отчего, скажи, волхв, тяжко у нас было?» – «Оттого, что покорились мы иным со стороны захода солнца. Что был голод, и были мы сирыми и нищими. Те же писаний множество насочиняли, чтобы ими головы наши набить. От этого всё и произошло. И потому они по земле нашей ходят, и на совместные торжища людей наших вызывают, и мутными, шипучими настоями поят. Но мы не хотели сами идти к ним. И это будет нам уроком, чтобы мы осознали наши ошибки, чтобы всё было иное в наше время. Мы на старые погребалища ходили и там размышляли, где лежат наши пращуры под травой зелёной. Трава зелёная – это знак божеский. Мы должны собирать её в сосуд для осушивания, дабы на собраниях наших воспевать богов в мерцающем небе. И теперь мы поняли, как быть и за кем идти. Было возвещено нам, что будущее наше славно. И мы притекали к смерти, как к празднику». И вот садится волхв. Встаёт. Оборачивается вокруг себя три раза, темнеет и говорит. И были те слова не добрыми, а злыми, потому из-за него тяготы вышли. И так молвил он людям и многих обманул, чуть ли не каждого уверяя, будто «всё ведаёт и предвидит». Волхв тёмный: «Я так сегодня той стороною, где солнце садится, просвещён, что никаких руссов нет, а есть варвары. Предлагаю каждому по его малым потребностям. Наступит или засуха, или иная беда. Все ваши реки вспять

пойдут, и земли начнут меняться местами». И встал светлый князь, взял банку трёхлитровую под плащ, подошёл к волхву и спросил: «Ведаешь ли, что завтра утром случится, сука, и что сегодня до вечера?» – «Всё предвижу». И сказал князь: «А знаешь ли, падла, что будет с тобою сегодня?» – «Чудеса великие сотворю». Князь же, вынув банку трёхлитровую, огрел волхва, и пал он...

...геолог повалился на пол. Евгений, как палицей, размахивал банкой, опрокидывая стулья:

– Я тебе, урод, покажу «руссов нет»!

Герман навалился на Евгения, пытаясь отобрать банку. Битое стекло резало руки. Евгений хрипел, отпуская проклятья, но вскоре утих. Геолог лежал недвижимо. Его волосы слиплись в крови. Герман помог Евгению подняться. Приятели, тяжело дыша, стояли над геологом, всматриваясь в его открытые глаза.

– Это всё? Конец? – тихо спросил Евгений.

Герман опустился к телу геолога и послушал сердце:

– Бьётся.

– Это как получилось? – недоумевал Евгений. – Я его, что ли?

– А кто ещё? Я не трогал. Я мирно сидел и слушал волхва.

– Волхва? А куда он делся?

– Да вот он, на полу лежит, – указал Герман на геолога, – и один волхв, и второй – тёмный, он же геолог. Вот как сурица вставила. Да так по-русски, мать её.

– Стонет, стонет земля, – тихо произнёс геолог, – слышу, как стонет.

– Да это ты сам стонешь, – объявил ему Герман. – Давай поднимем его. Похоже, мозги целы. Теперь лишь бы память не отшибло.

Геолог лежал на прожжённо-засаленном диване с закрытыми глазами и невозмутимо спал. Евгений и Герман удручённо дремали за столом. Всем им было скучно во сне, но они терпели и не просыпались. Они догадывались, что пробудятся в осовремененной России, написанной в духе остервенело-капиталистического реализма. И пока они спали, она становилась всё более сложным запутанным текстом, где смешивались утопия будущего и мифология прошлого. Между умов её граждан проскальзывала философия внереального. А всякая идея, ими выношенная и взлелеянная, как дитя, сокращала им жизнь и исчезала прозрачным мотыльком над выкошенными русскими полями.

Ибо так возлюбила Мария Александровна Ульянова революцию, что отдала сынов своих единокровных, дабы всякий верящий в них погиб, но имел жизнь вечную в истории.

Евгения и Германа разбудил бессмысленный и площадной великорусский мат. За окном рябая бабка поносила подростков, затащивших в её огород девку и помявших грядки. А геолог спорил с зашедшим соседом:

– Ты мне тогда как говорил, ёб твою: яви, мол, мне Россию как действительность в её эстетическом своеобразии, – объяснял геолог. – Так вот, я на деньги, которые скоро будут, и будут немалые – бля буду, немалые, – поставлю гигантское колесо обозрения над всей Восточно-Европейской равниной. Тогда и явится всё своеобразие российское. Вся эстетика как на ладони.

– Ну на хуя, скажи мне, твоё колесо обозрения кому нужно? – не унимался сосед. – Я, бля, говорю, что клуба у нас нет с копиярным залом, а ты мне про колёса поёшь.

– Ты понимаешь, штука-то в чём, – вдруг задумался геолог, глядя в окно, – ты вот клуб, говоришь. Клуб – это общность. А много ли в общности той безгрешных будет? Ну, так чтоб не пили да клуб тот не растаскивали? А русский человек должен стать безгрешным. Вот пусть для этого президент возьмёт на себя все грехи наши на себя, все грехи русских. Покается за всех и искупит всё. Русские-то живут божьим наказанием, а это нервирует. Ты понимаешь, суть в чём, – распылялся геолог, – русский фатум отнял у русских право на самих себя. А если каждый президент станет искупать грехи, то фатума не будет! Вот ты, предположим, спиздишь чего-нибудь – тебя накажут. Опять фатальность. А президент грех твой на себя возьмёт, вещь тебе спизженную оставит, и новую вещь государство выпишет. А иначе для чего богатеем? И никакого фатума уже! И ты сам себе предоставлен. Во как! И все тогда в Россию верить будут.

– В Россию-то можно верить, но не доверять. Не доверять себя России. Нельзя оставаться наедине с Россией, когда вот так вот сам себе предоставляешься. Неясное это состояние, а потому и неразумное. Да ты о копюторах думай. Нам интернет нужен, чтоб наедине с Россией не остаться, – сосед хрипло засмеялся. – Вон твои проснулись. Пойду я, а ты думай.

20nn+4-й год от рождества Христова. В России разрешены все партии, даже, казалось бы, экстремистские. Всевозможные организации растут как грибы, но правительство сохраняет спокойствие. Ещё до легализации партий и всяческих движений была выработана тактика «внутренней метаморфозы». Как только очередные радикалы подавали заявку на легализацию, в это движение вступали тысячи «статистов», отобранных спецслужбами. Отбирали также потенциальных лидеров с харизмой и «подходящим прошлым». Они конкурировали внутри партии с действующим лидером и, в конце концов, опираясь на поддержку «статистов», возглавляли движение и привносили свои понятия в трактовки экстремистских идей. Так фашизм стал со временем подаваться как «движение с пучком алых роз». Его лидером стал выходец из таджикских цыган с нетрадиционной ориентацией. Он всегда появлялся с розой в петлице, в шотландской клетчатой юбке, армейских ботинках на высоком каблуке, проповедовал фашизм гуманитарно-левацкого толка и любил садиться соратникам на колени. Фашисты, привыкшие

к классическим строгим идеям, быстро покидали эту организацию, но при попытке создать другую партию сталкивались с прежней тактикой. Если же создавались подпольные движения и организации с конспирацией и жёстким отбором участников, то тактика менялась. Чтобы не отпугнуть членов раньше времени, лидеры проповедовали такие идеи, которых жаждали партийцы. Но постепенно, проводя каждый день изнуряющие собрания, приводя сомнительных новичков и вводя непомерные взносы, псевдолидеры отбивали всякую охоту собираться.

Между тем тотальный холод требовал обращения к энергетическим ресурсам. Экологические способы добычи энергии не срабатывали. Солнечные батареи перестали быть эффективными. Ветряки подвергались обледенению и выходили из строя. Приливно-отливные станции потеряли смысл. Биотопливо быстро иссякло. Водоёмы, обслуживающие атомные станции, промёрзли, и на АЭС были вынуждены заглушить реакторы. Оставалась нефть. Евросоюз и Штаты добывали углеводороды в малых объёмах – мешал многометровый лёд. Все зависели от поставок нефти и газа из России, где добыча не прекращалась. Многочисленные поселения, возникшие вокруг Федерации, пропускали нефть дальше, но каждый подворовывал, как мог. От этого в странах западной демократии притуплялась свобода воли и возникало сознание жесткого фатализма, отождествлявшее волю

с природной силой. Познание теперь строилось на принципах «ледового сенсуализма»: реален только лёд, всё остальное субъективно.

Зависимость мира от российской нефти породила в русской среде новый этап в трактовке русской идеи. Теперь, уже основываясь на объективных энергетических процессах, графиках и диаграммах, русские утверждали, что они «приняли на себя миссию борцов с отверженным миром в образе падшей природы». Позиционируя себя как спасателей-спасителей, утверждали, что «вот и пришло время воплотиться на деле особому историческому призванию России, способной объединить народы на основе духовно-энергетического братства».

скажу Нефть и Газ, и тело моё окружит пламя
скажу Лёд, и к ногам моим приплывёт умирать океан

Евгений и Герман едут к геологу. В маршрутном такси работает DVD. Идёт запись передачи «Кто мы и зачем?». Пассажиры дремлют.

– Странный выбор для маршрутки, – заметил Герман.

– Сейчас модно такие темы обсуждать, – пояснил Евгений. – И правильно, пусть мыслят. Может, бухать меньше будут.

За круглым столом сидят стандартные участники подобных передач: либеральный ведущий, историк, священник, сценарист порнофильмов, поэтесса-концептуалист.

Ведущий, обращаясь к историку:

– Так что же есть сейчас русская идея, по-вашему? Как её можно охарактеризовать, преподнести?

Историк, глядя в сторону и вниз:

– Я бы сказал, что русская идея, по своей сути, это философско-идеологический механизм самоидентификации русскости. Безусловно, сама эта идея – часть русской философии и...

Его перебивает поэтесса-концептуалист:

– Русская философия станет собственно чистой философией, когда перестанет обслуживать русскую идею. Ведь русская идея в её радикальном изложении религиозна и при этом ветхозаветна. Все эти пассажи, наподобие богоизбранности русского народа, мессианство. Или вот это, как мог бы сказать Саваоф всем русским: «Не поклоняйтесь западным идолам!».

Священник:

– Да ещё Толстой говаривал о Тургеневе: «Трясёт демократическими ляжками». От этих сотрясений – западнодемократных – идея русская в умах еретических пребывает, как дом на песке. Еретикам надлежало бы изумляться и удивляться благодному устройству идейности русской, а не лепить своих божков из праха и пепла.

Сценарист порнофильмов:

– Мне кажется, нужно начать с того, что с возникновением русской идеи русский человек всегда был объектом рус-

ско-философских размышлений, в центре внимания которых были проблемы нашего человека, и главная задача русской идеи – создание интегральной концепции русского человека с его эмоциями, инстинктами и влечениями, с его обнажающейся натурой. Нельзя забывать, что для русского человека...

– На хуй!

– ...очень существенны реальные условия его бытия. А в области натуралистической эстетики...

– Заебали, блядь! – пассажир мужского пола запустил в монитор недопитую бутылку «Клинского». На него никто не обратил внимания, все дремали.

Выходя на остановке из маршрутки, Герман спросил водителя:

– А почему вы ставите такие записи в салоне?

– А нас обязывают теперь. Раньше блатняк крутил, и нормально было, а сейчас каждую неделю монитор меняю.

Геолога не было дома. Старушка соседка сказала, что он пошёл к гетере, и показала дорогу. Друзья изумились наличию в маленьком посёлке гетеры, и именно гетеры, а не просто поселковой шлюхи. Заблудившись на развилках, Евгений и Герман поинтересовались у мальчика лет двенадцати, как пройти к гетере и, вообще, кто она такая.

– А вы уже пришли, – ответил мальчуган, – вон тот дом. А гетера эта – бывшая наша библиотекаряша. К ней сейчас многие ходят. Время такое.

Ставни деревянного дома оказались плотно прикрыты. Дверь не заперта. Во дворе не было видно живности, только цветы да декоративный кустарник. Проход в комнату узкий, едва освещённый красным светильником у потолка. Посреди комнаты на большом ковре, окружённом разноцветными свечами и благовониями, лежала гетера – женщина средних лет, едва прикрытая прозрачной накидкой. Рядом – трое обнажённых мужчин. В одном узнавался геолог. Все молча глядели на вошедших Германа и Евгения. Гетера долго и пристально всматривалась в них.

– Вы хотите меня? – спросила она негромко.

Герман (*смущаясь*). Нет, мы по другому делу. Не к вам.

Гетера (*улыбнувшись*). Проходите, садитесь. Можете не раздеваться. Мы беседуем о хаосе. Хотите выпить?

Евгений. Разве что глоток.

Гетера. Сядьте поближе. Всё же вам лучше раздеться. Как вас зовут?

– Евгений и Герман, – ответил за них геолог.

Евгений. Мы, собственно, к нему.

Гетера. Это потом. Поговорим о хаосе. Вы боитесь хаоса?

Евгений. Нет, мы не боимся хаоса.

Гетера. Значит, вам не нужен космос.

Герман. Может, и не нужен.

– Вот в этом вся беда. Кому не нужен космос, того хаос не страшит. Вы пробовали поместить в центр своего сознания светлый и гармоничный мир, – гетера взяла двумя пальцами

тонкую коричневую сигарету, – и вдруг ощутить хаос, способный поглотить этот мир. Ваша воля сведена на нет. Вы всецело в руках судьбы. Там, где начинается хаос, кончается воля.

– Тут вы говорите о России, – неожиданно вставил геолог. – Везде хаос, а здесь воля. Россия и есть воплощение воли, и в этом её судьба.

Гетера снисходительно посмотрела на геолога:

– Да, картина мира русского человека пронизана понятием трансрусской судьбы, а потому зачастую фаталистична. Ты говоришь о воле и судьбе России, друг мой, – гетера щёлкнула геолога по носу. – Но воля противоречит судьбе, а это трагедия. Русские обожают трагедию. Они в ней как рыбы в воде. И, даже обретши космос, они всё равно тоскуют по хаосу. Это зависимость. О, как точно это показывают художники! Сквозь демонизм Врубеля проглядывает мир русского человека, шагнувшего за космос в хаос, где всё фатально. А Пётр? Шемякинский Пётр в Петропавловской крепости – пример противоречия воли и судьбы, ещё одно выражение трагедии. Герой, некогда пытавшийся создать из хаоса свой собственный космос, уже не в состоянии им управлять. Бронзовый император с выражением абсолютного бессилия, вглядывающийся во мглу фатума. А без гармонии мы звери или тени. Но поправимо всё, когда гармония придёт. С рассветом нам Меркурий, слетевший наземь с облаков, её посланье принесёт. Евгений! Герман! Возьмите меня за грудь.

Вы, Евгений, за левую, а вы, Герман, за правую. Я чувствую прилив гармонии! Мы повергнем хаос! Идёмте вовне! Держите меня, Евгений. Держите, Герман. А вы, друзья, ступайте за нами. Не отставайте, это важно. Идёмте вокруг дома три раза по часовой стрелке – так ходит солнце. Надо спешить, пока тень зверя не опередила нас. Алмазный перстень на его когтях оставит глубокую отметину в хрустальных следах нашей поступи. Держите меня, Евгений! Держите, Герман! Не отставайте, друзья! Повторяйте за мной:

Хаос, хаос, твоё Дао
разметалось в поле градом.
А гармония осталась,
и нам этого и надо.

Гетера с компанией безостановочно ходила вокруг дома. На шум сходились сельчане. У кого были мобильники, снимали шествие. Старики, видя, как голые молодые люди держат полуобнажённую библиотечкару за грудь, неодобрительно качали головой, а мальчишки швыряли в них яблоками. Но компания, войдя в транс, никого не замечала и продолжала движение. Наконец гетера направилась в дом, но геолог, шедший сзади, вышел на улицу, находясь ещё в состоянии транса. С протянутыми в пустоту руками и умилением на лице он двинулся по дороге под хохот смотрящих вслед. Но геолог ни на кого не обращал внимания и только шептал: «Разве вы не видите, вон там голая, простоволосая дева-Россия, Россия-недотрога выходит из воды в тумане. Ей

застят волосы глаза. Просит меня подойти. Я иду, иду!».

Евгений и Герман очнулись, всё ещё держа гетеру за грудь. Она курила с туманной задумчивостью и едва уловимой улыбкой. В потемневшем углу комнаты сидел незнакомый приятелям обнажённый мужчина из прежних посетителей с гитарой и вполголоса пел романс «Ты пускаешь слезу у меня на глазах». «Поторопись, мгновенье, ты ужасно», – промелькнуло в голове у Евгения. Друзья, не сговариваясь, убрали руки с груди гетеры, но та задержала их:

– Вы не ответили на мой вопрос.

– Какой? – разом спросили Евгений и Герман.

– Как? – гетера выразила недоумение. – Вы забыли вопрос?

Приятели высвободили руки и намеревались встать.

Герман. Мы пойдём. Вопросы в следующий раз.

Гетера. Как же вы пойдёте без одежды? Я её спрятала.

Евгений. Куда?

Гетера. А вы поищите.

Евгений и Герман растерянно озираются.

– Холодно, холодно, – игриво шепчет гетера.

Герман резко бьёт гетеру по лицу:

– Куда, сука, шмотки дела? Убью, блядь!

– Вон там, – гетера указывает на гитару в руках у поющего романс.

Герман, выхватив гитару, разбивает её о стену. Внутри ничего нет. Гетера заходится смехом, утирая кровь с лица:

– Ваши подштанники, мальчики, в надёжном месте. Хотите, я зажгу дом, и мы сгорим в объятиях любви? – гетеру сотрясает смех. – Так вы ответите на мой вопрос?

Герман бьёт гетеру в живот. Та хрипит, но продолжает глухо смеяться.

– Да чёрт с ней, – заключает Евгений, – обернёмся чем-нибудь. Пойдём к геологу домой, какие-то шмотки у него должны быть.

Но выйти приятелям не удалось. На крыльце сидели две огромные собаки смешанных пород, явно с примесью волка. Гетера ещё сильнее зашлась хохотом:

– Это мои янычары. Они питаются приезжими.

Собаки зарычали. Евгений и Герман попятились. Гетера села на подушку и закурила:

– Ну, так что? Ответ в обмен на кафтаны?

Евгений. Ну и какой же вопрос?

Гетера. А вопрос такой: насколько эстетичен хаос?

Герман. Твою мать, на хуй он тебе сдался!

Гетера. Перестань грубить, а лучше начни с того, как можно относиться к картине Верещагина «Апофеоз войны»?

Евгений. Ну, черепа и черепа.

Гетера. Да, современники видели в ней олицетворение ужасов войны как состояния фатального, испытывая шок и потрясение. Но, посмотрев хронику последующих войн с горами обезображенных трупов, потомки могут относиться к

верещагинскому творению как к уже чему-то эстетически неприятному, где это неприятие прежде всего эстетично.

Евгений. Так, значит, хаос всё-таки эстетичен?

Гетера. Да, и прежде всего его факт. В документе хаоса факт пожирает всё. Факт воздействует. Факт возбуждает. Из этого исходили передвижники, вынося свой эстетический приговор эпохе, говоря о её некрасивости.

Евгений. Ты хочешь сказать, что здесь работала прежде всего эстетика?

Гетера. Именно. Но что если тогда же вместо картин были бы отсняты фотографии с такими же сюжетами или созданы документальные фильмы на эти темы? А, мальчики? Кто бы выиграл в ту эпоху в борьбе за воздействие на зрителя: художники-передвижники или документалисты-новаторы? Отвечайте!

Герман. Я хуюю! Да мы все охуели! Где шмотки, блядь?

Гетера. А вы нетерпеливы. Но я прощаю вас, джентльмены. Ваши одеяния в жилище моих верных янычаров за домом (*истерично смеётся*).

Герман схватил её за волосы и ударил головой об пол. Схватил гриф от разбитой гитары и устремился за дом к собачьим будкам. За ним Евгений.

Пока Герман отгонял гитарным грифом собак, Евгений вытащил одежду. Толпа сельчан сопровождала всё дружным хохотом, подковырками и съёмкой на мобильники. И только разразившийся ливень и грозовые разряды, зажёгшие сосед-

ний дом, позволили Евгению и Герману прекратить мученичество и покинуть посёлок в расстроенных чувствах.

20ⁿⁿ+5-й год от рождества Христова. В России в который раз поднимается вопрос смертной казни. Многочисленные диаспоры китайцев и выходцев с Ближнего Востока и Африки требуют ввести хотя бы ограниченное число таковой формы высшей меры. После долгих думских дебатов постановили следующее: к преступнику, приговорённому к высшей мере, применяют пожизненное заключение, при этом постоянно следят за состоянием его здоровья с помощью многочисленных датчиков и регулярных анализов. Как только становится ясно, что он при смерти, но ещё не умер, вызывается дежурный палач и ждёт показания приборов. В момент зафиксированного аппаратурой угасания жизненных импульсов подаются звуковые и световые сигналы. Тогда палач, если осуждённый – выходец из США, включает рубильник и пропускает через осуждённого ток. Если приговорённый, к примеру, из Мексики или Южной Америки, исполнитель наносит удар ножом в сердце. В остальных случаях стреляют в голову. Такое учитывание национальных особенностей и вместе с тем европейских традиций гуманизма, по мнению думского большинства, снизит напряжённость в полиэтническом обществе, не посягая на менталитет самих этносов.

Головной болью столичных властей оставались стихийные рынки, палаточные городки протестующих и нелегалов, по-

стоянно возрождавшиеся в разных местах. Москвичи-активисты требовали решительных мер. С одобрения городской думы приводился в исполнение план под кодовым названием «Нерон»: по ночам жгли рынки, палаточные городки и заодно ветхие строения, одновременно разъясняя по громкоговорителям торговцам, обитателям палаточных городков и жителям ветхих строений их же пользу и получение материальных благ городом от плановых пожаров.

На подёрнутую ледяной коркой гладь пруда осторожно, словно боясь её надломить, садились утки. Они давно уже не улетали на зиму, да и лететь-то давно уже было некуда. Все с этим давно уже смирились и мирно уживались рядом на небольшом водоёме Чистых прудов. Утки быстро привыкли к пеликанам, а позже и к пингвинам. Сердобольные москвичи-пенсионеры подкармливали их круглый год. Школьники на уроках труда вырезали из пластиковых бутылок кормушки и расставляли их вокруг пруда. Нагловатые марабу часто оказывались первыми и быстро опустошали содержимое кормушки. Тогда обрезанные пятилитровые пластиковые бутылки с кормом стали пускать по воде, украшая их китайскими фонариками с подсветкой.

Евгений и Герман из полумрака кафе наблюдали эту мультифеерию на тёмной глади пруда и медленно потягивали глинтвейн. Евгений перевёл взгляд на газету, оставленную на столике предыдущим посетителем. В глаза бросилось за-

главие статьи: «Ещё раз о духовности русских» и подзаголовок: «*Сумерки Африки*». Текст: «Меня часто спрашивают: как отличить русскую духовность от духовности остального мира? Я отвечаю: прежде всего, бойтесь суррогата духовности, изящных, а потому соблазнительных подделок под всяческие проявления духа. Это главное. Вот я был когда-то в Африке, ещё той Африке – на жарком и цветущем континенте. И я много слышал и даже видел, как тамошние фермеры выжигают луга и отстреливают животных, нападающих на их скот. И я говорил им: «Что вы делаете? Вы не духом противостоите трудностям и бедам, а огнём и железом». Они вроде бы соглашались со мной или делали вид, что согласны, но я видел в их глазах только жажду наживы и животный инстинкт. Кивком головы они давали мне понять, что согласны со мной, и тут же стреляли в слона, забредшего на их поле. И вот я говорю вопрошавшим меня: вот же он – суррогат духовности, явленный на деле. Не то с нашим фермером. Православный фермер никогда не будет стрелять в слонов. И если, например, сейчас, в наше время, когда слоны уже появляются на русских равнинах, фермер увидит эту животину у себя, он, упаси бог, не схватится за ружьё, коего, к слову сказать, у него никогда и не было за ненадобностью, а ласково потреплет слона за ухо и даст вволю ему насытиться хоть на ржаном поле, хоть на кукурузном. Потому что знает фермер наш, что заодно он с природой, да и слон в долгу не останется: помёт слоновий много пользы даст, сдоб-

рит полюшко, поможет труженику русскому в борьбе с заразой западной – амброзией – да жуком колорадским. Уйдёт слон, насытившись, а фермер православный перекрестит вслед его да за плуг возьмётся. Вот она, духовность наша подлинная, не заёмная у кого-нибудь, а нами от самих же себя и полученная. А Африка нынче в сумраке да во льду пребывает. Я же говорил им...» Конец статьи был заляпан соусом и не читался. Евгений перевернул лист. В разделе «Новое во Вселенском молитвослове» говорилось о Франциске Ассизском как о первом гуманисте-экологе, проповедующем любовь ко всякой твари и творениям, аки к Творцу. Печаталась экологическая молитва: «Боже Всеблагий и Всемилостивый, всё сохраняй своею милостию и природолюбием, смиренно молю Тя предстательством святителя Николая и всех святых, сохрани от внезапной гибели и всякой напасти миротворение Твое. Боже Милостивый! Избави меня от злаго духа нечистот и выбросов зловонных, смертоносных язвы и всякого душепагубного обстояния, вызывающих напасти и скорую мучительную смерть без покаяния. Помози мне, Господи, дожить до глубокой старости без отягощения совести бременем битых бутылей, пластиков смрадных, преданной огню листвы палой и отравленного по нерадению моему люда и всякой твари Твоей и сохрани от огненного запаления и всякого зла траву, сеющую семя и древа плодовые. Помози нам силою молитвы своей остановить движение шедших погубить создания Твои, ныне приостанови

все замыслы врагов твоих, не допускай им покушаться на деяния твои, избави от козней диавольских предающихся постыдной страсти истребления, бесовского искушения. Пусть Святая Сила остановит их на том месте, где постигнет их. И даруй всем по молитвам их здравие и спасение душ и телес, наипаче же Царство Небесное и да всего жития нашего обновление в чистотельной бане покаяния, яко да всехвально воспевающе память Твою, и да прославится имя Твое святое Отца и Сына и Святаго Духа, ныне и присно и во веки веков. Аминь».

– Ты знаешь, – Евгений обратился к Герману, – мы все в России в какой-то мере люди с ограниченными возможностями.

– Это почему?

– Вот назвали мы Русь святой, а значит, должны быть повсюду признаки святости. И человек русский постоянно озабочен их поиском.

– Да не все и озабочены.

– Да эти просто верят, и всё. И всё равно создают себе трудности. Вот, например, Гуанду святой никто не называет, и сами гуандинцы об этом и не помышляют даже – и не заморачиваются. И ничего, живут себе хреновенько и живут, голову не ломая. А мы же чувствуем, что святости не хватает, маловато её на всех. И вроде как неполноценность какая-то возникает, как у инвалидов. Вот хочет хроменький человек пробежаться, думает: «У меня же две ноги» – а не выходит.

Вот и со святостью у нас ограниченные возможности, а значит, нам приплачивать надобно.

– Не переживай. Ты что, не знаешь, что всем русским рай обеспечен? Да он уже и настаёт.

– Как бы его в ад не превратить по привычке да потребности своей.

– Ад взывает русского человека к жизни.

Официант включил телевизор. Шёл сюрреалистический мультик про колобка. Колобок проснулся на бильярдном столе в роли шара-биты. Удар кия – и бита-колобок разбивает пирамиду из смешариков. Его гоняют по столу, и он выбивает всех смешариков в лузы. Удар кия – и колобок, покрывшись пятнами, отлетает на поле настольного футбола. Теперь он мяч. Легионеры в латах и бутсах с алмазными шипами. Ворота с колючей проволокой вместо сетки. Удар – и мяч-колобок улетает за пределы поля на VIP-трибуну и, ударившись о бусы из смешариков, падает знатной даме в бюстгальтер. Дама визжит и требует достать колобка. Десятки длинных гипертрофированных рук в перстнях и цепочках устремляются на поиски колобка, но не достают, а только пропихивают его ниже. Дама визжит истошнее, и десятки длинных гипертрофированных рук в перстнях и цепочках срывают с неё всю одежду, но колобок ускользает из длинных гипертрофированных рук и, прыгая по головам зрителей, попадает на голову огненно-рыжего мужика, воспламеняется и устремляется в космос. Теперь он колобок-спутник.

У него вырастают усики-антенны. Но после первого витка вокруг Земли он сталкивается со спутниками-смешариками и, снизившись, входит в плотные слои атмосферы. Подрумяненный и без антенн, он пробивает крышу дома и падает на стол к бабушке и дедушке, разбивая посуду. Обрадованные старики радостно голосят и зовут внушка. Внушек в хип-хоповом прикиде забирает колобка и идёт играть им в баскетбол. Забрасывает колобка в корзину. Из корзины-лузы колобка достаёт длинная гипертрофированная рука и кладёт на бильярдный стол. Удар кия... Конец.

– Какой бред, – заключает Герман.

Евгений. Это сюрреализм. Высвобожденная фантазия на заданную тему.

Герман. Тогда вот тебе заданная тема: шеф наш ещё одну кашу заварить хочет. У одного букиниста на Сухаревской есть редчайшие письма. Это переписка Ницше с Толстым.

Евгений. Что за лажа? Толстой терпеть не мог Ницше да и писать бы ему не стал. Тут подстава явно. Смотри, как бы не вляпались с этими фальшивками.

Герман. Да я тоже так думал. Но потом свели меня с одним историком-литературоведом, а он толк в переписках знает. Так вот, он рассказал мне, что Толстой был вынужден отвечать. А первое письмо написал сам Ницше. Ему якобы кто-то сказал, что граф из России весьма интересуется сверхчеловеком, но интерес этот Толстым будто бы для того был проявлен, чтобы разнести это сверхсущество в пух и

прах. Это-то отца сверхчеловека и задело. Сказали бы, что граф просто заинтересовался, – Ницше бы не повёлся. Так вот, шеф эти письма заполучить хочет и выручить за них неслабо. Но, как их взять, я пока не представляю. К историк-уходим завтра, а геолога будем додавливать тихо-мирно и перманентно. Так что давай утром встретимся в Столешникове у этого литисторика. Получим подробную информацию – и на разведку к букинисту.

Столешниковский литисторик был, можно сказать, стар, но его старость с годами олитературилась, и новейшую историю он собой не портил. Более того, знал современных авторов и разбирался в трендах. Старался быть с молодёжью. Носил майку с надписью: «Sex & Pistols». Михаил Фёдорович Достоев не спросил гостей сразу о конечной цели визита, а сунул им под нос распечатку новой вещицы молодого автора Ваньки Торгенева:

– Вот парниша не заморачивается. Живёт в Берлине, сидит на грантах да вот такое на-гора выдаёт. Полюбуйтесь.

Материя – Дух. Борение. (от Vani from Berlin)

духу худо
находит дух
худобу духа

материи мат
иди ходом духа
материя мать твою там
дух удушен
атомарна материя
метр за метром мертвеет
в мать материю ту
дух иди на хуй
материя
дух

– Это к чему? – уточнил Герман.

– К истончённому искусству. Концептуальное решение, – пояснил Михаил Фёдорович.

Евгений. Тогда можно понять.

Михаил Фёдорович. Вот как! Ну да ладно. Сей опус он перевёл на несколько языков и выдал за русский примитив. По нему уже поставили две пьесы и репетируют оперу. А вот это вот творение. Оцените. Это уже для внутреннего пользования.

Дядя Стёпа – оборотень в погонах

Кто не знает дядю Стёпу?
Стёпа-крыша всем знаком!
Просекли, что дядя Стёпа
Был когда-то моряком.

Он крышует по району
От ларька и до ларька,
И опять на нём погоны,
Знают всюду паренька.

Он с кокардой на фуражке,
Он в шинели под ремнём,
Кобура висит на пряжке –
Рынки держатся на нём!

Он идет из отделения,
И в районе гопоту
Разом прёт от изумленья:
Чуют «крышу» за версту.

Дядю Стёпу уважают
Все, от взрослых до ребят.
Встретят – взглядом провожают,
С уважухой говорят:

– Да-а! Ментов такого роста
Встретить запросто не просто!
Да-а! Такому молодцу
Быть в полиции к лицу!
Если встанет на посту,
Пропасёт всех за версту!

Возле площади расклад:

Мерс врубился бэхе в зад –
Понаехала братва,
Нет движенья никуда...

Сто машин стоят, гудят –
С места тронуться хотят.
Три, четыре, пять минут
Им проезда не дают.

Как бы тут из ниоткуда
Дядя Стёпа подвалил:
– Что, брателы, дело худо?
Кто кого тут завалил?

Из подержанной «семёрки»
Пацаны ему в ответ:
– Нас, Степан, достали тёрки!
Разрулить как, дай совет!

Рассуждать Степан не стал –
Сигареты «Кент» достал,
Взглядом строгим всех обвёл,
По понятиям развёл...

В то же самое мгновенье
Пацанов пропал и след.
Восстановлено движенье,
Никаких заторов нет!

Нам ребята рассказали,
Что вот с этих самых пор
Пацаны Степана звали
На любой в Москве разбор.

Постовым такого роста
Гнать туфту совсем непросто.

Пацаны гребли у зданья,
Что на площади Восстанья,
Вдруг секут – стоит Степан,
Им знакомый великан!

Все застыли в одуренье:
– Стёпа! Чё, бля, за понты?
Не твоё здесь отделение
И не твой район Москвы!

Стёпа «коркой» козырнул,
Улыбнулся, подмигнул:
– Я подмазал всё начальство –
И теперь мой рынок весь
И в погоду, и в ненастье,
Я крышую смело здесь!

В «Детском мире» – магазине,
Где игрушки на витрине,
Появился наркоман.
Он салазки опрокинул,

Из кармана шприцык вынул,
Продырявил барабан.

Продавец ему: «Платите!».
Он в ответ: «Не заплачу!». –
«Вы, наверное, торчите?»
Отвечает: «Да, торчу!».

Только вдруг у наркомана
Ломка началась в груди:
Светлый образ он Степана
Заприметил позади.

– На кого ты бочку катишь?
– Чё ты! Чё ты! Не качу!
– Деньги мне сейчас заплатишь!
– Сколько нужно? Заплачу!

Постовой Степан Степанов
Был грозой для наркоманов.

Как-то утром, в воскресенье,
Вышел Стёпа со двора.
Стоп! Ни с места!
Нет спасенья:
Облепила пацанва.

На крышуху смотрит Ванька –
Напустил для форсу пар:

– Ты, Степан, нас извиняй-ка!
– Что такое?
– Есть базар!
– Почему ты с парохода
Вдруг в полицию пошёл?
Неужели ты работу
Лучше этой не нашёл?

Постовой брелоком крутит,
Стёпу тот вопрос не тупит,
Говорит: «Ну что ж, готов
Я ответить без понтов!

Я скажу вам так по дружбе,
Что в полиции служу
Потому как за день службы
Косарей я семь кошу!

Кто крышует с пистолетом
На посту зимой и летом?
Наш обычный постовой –
Это тот же часовой!

Ведь недаром сторонится
Полицейского поста
Не привыкший с ним делиться
И чья ксива нечиста.

К сожалению, бывает,

Что полицией пугают
Непослушных торгашей.
Как властителям не стыдно?
Это глупо и обидно!
И когда я слышу это,
Я краснею до ушей...»

Герман. Это прокатит.

Михаил Фёдорович. Да и, похоже, не только у нас. В Штатах готовят его американскую версию: плохой белый полицейский вымогает деньги у рэперов-афроамериканцев и крышует мафию, состоящую из белых ублюдков.

– Политкорректность, – заметил Герман. – Скоро там появятся «Белые пантеры».

– У нас тоже началось. Слышали о проекте в Министерстве культуры? Собираются запретить «Му-Му» Тургенева: «за издевательство над человеком с ограниченными возможностями» и «жестокое обращение с животными». Так-то вот. Так с чем пожаловали? – осведомился Михаил Фёдорович.

Евгений. Дело щекотливое. Полностью мы в нём не уверены, поэтому к вам и обращаемся. Речь о тех письмах, о переписке Толстого с Ницше. Признаться, в это всё-таки трудно поверить, что они вот так в письменном виде общались. Нам вы сказали, что письма эти у одного букиниста есть. Так вот, мы хотели у вас ещё раз справиться насчёт подлинности этих писем. Что скажете?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.